

Олег Волков

ПОД СНЕГОМ

Том II

Олег Волков
Под снегом. Том II
Серия «Особый порученец», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65477791

SelfPub; 2023

Аннотация

В Ничеево, в маленький уездный городок на севере Тиллурской империи, пришли большие перемены. Рядом с ним началась грандиозная стройка. Военные инженеры принялись возводить большой мост через Витаку, великую северную реку, а так же прокладывать железную дорогу. Как на грех, в Ничеево начинают происходить странные события. Пропадают и даже гибнут люди. Так главный инженер стройки был найден в зимней тайге совершенно голый. Обыватели грешат на проклятие нишранов, на месть богини давно изгнанного народа. По личным мотивам губернатор отправляет в Ничеево Турана Атиную. Молодому чиновнику сыскной полиции предстоит разобраться, где тут мистика, а где вполне реальные уголовные преступления. Серия: «Особый порученец» – 2.

Содержание

Глава 1. Если как следует подумать	4
Глава 2. Женщина – как банально	24
Глава 3. Конь на привязи	65
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Олег Волков

Под снегом. Том II

Глава 1. Если как следует подумать

Официально полицейские Ничеево не обязаны подчиняться Турану, пусть его даже прислали из самой губернии. Организационные вопросы Туран обязан решать только через витуса Никвока, начальника полиции. Другое дело, что простые люди привыкли подчиняться мастерам. Привыкли, даже если мастер ниже по званию и через неделю-другую свалит обратно в свою губернию.

Витус Никвок не стал возражать, когда Туран увёл из Управления полиции всех трёх свободных городских и фельдшера Дартина из морга. По указанию Турана, лекарь мертвецов прихватил большие деревянные сани, на которых обычно по двору Управления полиции возят колотые дрова. Сам Туран не поленился прихватить довольно тяжёлый саквояж криминалиста. На заднем дворе дома Тучкова к ним присоединился дворник Сван.

Официально дворники домов и частных особняков на службе в городской полиции не состоят. Другое дело, что им прямо предписано по первому свистку помогать городовому. В свою очередь на груди утуса Свана висит свисток, ес-

ли дворнику дома Тучкова срочно потребуется позвать на помощь стража порядка и коллег по цеху. Впрочем, гораздо больше прямых обязанностей энтузиазм дворника подогревает предвкушение щедрый чаевых. При одном только виде начальника из губернии дворник едва ли не физически ощутил, как в его кармане осядет не меньше двугривенника, а то и сразу целковый. В прошлый раз Туран не стал жадничать и одарил усердного дворника полтинником, монеткой в пятьдесят сови́ртов.

В свете яркого дня задняя часть дома Тучкова выглядит ещё лучше, чем в потёмках. Снег возле спуска в подвал как и прежде тщательно вычищен. А вот сугроб под окнами спальни убитого чиновника дворник старательно закидал и выровнял. Не поленился, значит, перетаскать снег из-под высокого кирпичного забора, который ограждает задний двор дома Тучкова.

– Ну как, Смаг, готов? – Туран повернулся к молодому помощнику.

Это хорошо, что Ничеево город маленький, а все мало-мальски значимые дома находятся на Вольной улице. Ещё бы пара минут и голова молодого помощника рванула бы от умственного перенапряжения. Всю дорогу до дома Тучкова Смаг напряжённо шевелил мозгами и орудовал логическими приёмами, будто ковырял ломом стылую землю.

– Признаться, мастер, – Смаг отвёл глаза, – я так и не понял, где искать тело Рисана Ювина.

Эмоциональный фон молодого помощника покрылся чёрной траурной вуалью. Смаг буквально печёнкой учуял, что разгадка где-то рядом, буквально под носом, но так и не смог понять, где именно. В противовес помощнику, эмоциональные фоны городских, фельдшера и дворника светятся от любопытства. Если полицейским сперва крайне не хотелось тащиться бог знает куда, то теперь они чувствуют себя так, будто оказались на цирковом представлении. Вон, Туран скосил глаза, дворник Сван нервно переступает с ноги на ногу. Кажется, будто снег под его серыми валенками трещит от напряжения.

– Хорошо, – Туран переложил саквояж в левую руку, – попробуем по-другому. Как я уже говорил, преступник решил вывезти тело Рисана Ювина. Вынести его из квартиры через дверь и подъезд он не мог, иначе бдительный утус Сван непременно заметил бы его и остановил.

От этих слов эмоциональный фон дворника засветился гордостью и самодовольством. Служитель метлы и лопаты распрямил спину и расправил плечи.

– По этой причине преступник выбросил тело Рисана Ювина в окно в спальне в вот этот сугроб, – Туран махнул рукой в сторону присыпанной и приглаженной горы снега. – Рискну предположить, что преступник решил вывести тело в лес недалеко от города. Скорей всего, он местный житель и хорошо знает Ничеево.

Смаг, – Туран вновь глянул на помощника, – если бы тебе

позарез и очень быстро потребовалось бы вывести тело Рисана Ювина в лес именно с этого места, то каким наиболее коротким путём ты бы это сделал?

Траурная пелена в душе молодого помощника тут же развеялась.

– Ах, это, – Смаг расслабленно улыбнулся. – Пусть мы стоим в центре Ничеево, но, – Смаг вытянул шею, – до леса здесь недалеко будет. Если у преступника были ещё и санки, то возможных дорог у него не так уж и много. Я бы на его месте пошёл бы, – Смаг оглянулся по сторонам, – сюда!

Кованые ворота с полукруглым верхом, самый широкий проход в кирпичной стене, закрывает чисто символический засов. Смаг торопливо дёрнул на себя правую створку и выскочил на маленькую боковую улочку. Вдаль от Вольной улицы потянулись деревенские избы.

Словно охотничий пёс Смаг повёл маленький отряд полицейских по улочке. Эмоциональный фон молодого помощника пылает уверенностью в собственных силах и азартом, словно он и в самом деле на настоящей охоте. Мимо пронеслись какие-то заборы, переходы между улицами, опять заборы и опять переходы. По сторонам то и дело гремели собачьи голоса. Один раз Турана обдал аромат свежего хлеба, хотя гораздо чаще его окутывало «благоухание» свежего навоза.

– Это должно быть где-то здесь, – Смаг остановился на очередной улице.

Туран перевёл дух. Идея прихватить тяжёлый саквояж

уже не кажется разумной. Дороги на маленьких улочках местные дворники отродясь не чистили. Но, нужно признать, Смаг и в самом деле привёл их на окраину Ничеево, причём довольно быстро. По правую руку серой шеренгой тянутся деревянные заборы, а по левую, буквально в четырёх-пяти метрах стеной возвышается лес.

– Если преступник, – Смаг вновь крутанул головой из стороны в сторону, – и в самом деле хорошо знает Ничеево, то он пойдёт туда! – молодой помощник уверенно показал в правую сторону.

– Почему именно туда, Смаг? – Туран глянул в указанном направлении. – Что помешало бы преступнику прямо здесь углубиться в лес?

– Мастер, там дальше тропинка. Можно даже сказать, дорожка. Я в детстве по ней на рыбалку бегал. Там, где-то через километр, ручей широкий. Рыбы там много. Всё легче, чем прямо через сугробы тащиться.

– И то верно, – Туран кивнул.

Так оно на самом деле или нет – скоро выяснится. В любом случае вал снега на краю едва проторенной дороги выглядит совершенно нетронутым.

Через десяток метров в сторону леса и в самом деле свернула хорошо утоптанная тропинка. Туран слегка нагнулся, через низенький вал снега и в самом деле проходит колея от санок с широкими полозьями. Лёгкий снежок лишь едва-едва присыпал хорошо заметную колею.

– Отлично, – Туран распрямил спину. – Утус Дартин.

Фельдшер тут же шагнул вперёд, словно солдат на плацу.

– Санки оставьте пока здесь. Надеюсь, их не украдут.

– Пусть только попробуют, мастер, – фельдшер Дартин усмехнулся, – на них магическое слова вырезано: «Полиция».

– Хорошо, верю, – Туран улыбнулся. – Делимся на две группы по три человека и прочёсываем лес по обе стороны от тропинки. Далеко друг от друга не отходим, не больше чем на пять-шесть шагов. Пошли! – Туран махнул рукой.

Приказ полицейским и дворнику очень даже не понравился. Пусть каждый из них надел на службу добротные высокие валенки, только и снега вокруг тропинки за долгие зимние месяцы намело не меряно. Но и возражать или отлынивать так никто и не решился. Трое городских вытянулись в редкую шеренгу по левую сторону тропинки, Смаг, фельдшер Дартин и дворник Сван по правую. Туран, как начальник, не стал нырять в сугроб и остался на хорошо утоптанной тропинке.

Как Туран успел узнать со слов молодого помощника, вокруг Ничеево полно подобных тропинок. Летом горожане ходят по ним за грибами и ягодами, зимой за дровами и на охоту. Пусть палить из ружей вблизи города нельзя, так и до греха недалеко, но никто не запрещает обывателям ставить капканы и силки на мелкого зверя. Вон, Туран вытянул шею, между стволов вековых сосен то и дело петляют заячьи сле-

ды.

Первые несколько десятков метров по хорошо утоптанной тропинке остались за спиной. Полицейские с каменными лицами продираются через глубокий снег, хотя каждый сам про себя на чём свет стоит материт залётного начальника из губернии последними словами. Ничего, Туран усмехнулся, пусть городовые хотя бы немного растрясут жирок. Дай бог, глубокий снег мешает не только им. Вряд ли у преступника хватило терпения оттащить труп глубоко в лес.

– Превеликий Создатель!!!

Туран резко повернул голову. Дворник Сван, самый крайний в правой шеренге, бухнулся в снег. Эмоциональный фон служителя метлы и лопаты захлестнул чёрный ужас. Нашёл, не иначе. Туран свернул с тропы, ноги тут же увязли в глубоком снегу.

– Проклятие нишранов, – голос дворника Свана дрожит от волнения.

– Ничего подобного, уважаемый, – Туран подошёл ближе.

В это страшно поверить, но сработало: к шершавому стволу вековой сосны прислонён труп. Совершенно голый мужчина лет тридцати-сорока. Невысокий, но заметно упитанный, живот гладенький, словно пирожок. Ноги по самые колени утопают в снегу. На лице ни усов, ни бороды. И руки, Туран склонил голову, холёные ручки человека, который сознательно сторонится любого физического труда.

Голый покойник застыл в нелепой позе. Левая рука с рас-

топыренными пальцами показывает куда-то в сторону, при этом лицо убитого повернуто в другую, а голова чуть откинута назад. Запорошенный снегом затылок упирается в ствол исполинской сосны. В распахнутых глазах застыли кристаллики льда. Правая рука отведена за спину, а колени чуть согнуты.

Зима, собачий мороз. При каждом выдохе изо рта вылетает белесое облачко пара. Обнажённый вид покойника производит угнетающее впечатление. Эдакая злая насмешка над законами природы и обычаями людей. Не удивительно, что дворник Сван в ужасе бухнулся на пятую точку и тут же вспомнил о «проклятии нишранов».

– Вы узнаете этого человека? – Туран глянул на дворника.

– Да, мастер, – дворник Сван судорожно кивнул, – это витус Ювин, жилец из седьмой квартиры.

Удивительное дело, Туран смерил покойника глазами, Пачар Руднев, болтливый привратник из Конторы, удивительно точно описал Рисана Ювина. У чиновника ноги и впрямь несколько более короче обычного. Между тем, маленький отряд полицейских собрался за спиной Турана. Городовые, суровые дядьки, у каждого за спиной не один десяток лет суровой армейской службы, молча уставились на покойного.

– Смаг, иди сюда, – Туран махнул рукой. – Что ты можешь сказать?

Как-то совершенно незаметно работа с молодым помощником стала своеобразным обучением азам уголовного sys-

ка. Смаг моментально сообразил, что перед ним поставили очередную учебно-боевую задачу и пристально уставился на замороженный труп.

– Это убийство, – в эмоциональном фоне Смага сверкнула алмазная уверенность в собственной правоте. – Рисан Ювин убит ударом тяжёлым тупым предметом по голове. Вон, – указательный палец Смага едва не ткнулся в голову чиновника, – след от удара. Квадратный, причём киянкой вдарили, не иначе.

– Не спеши с выводами, – перебил Туран. – В нашем мире полно квадратных тяжёлых предметов. Часто в подобных делах в ход идут статуэтки, канделябры, да и вообще всё, что только под руку попадёт. Ладно, продолжай.

Замечание Турана сбilo с молодого помощника былую самоуверенность.

– Рисан Ювин убит тяжёлым тупым предметом квадратной формы по голове, – продолжил Смаг. – Осмелюсь предположить, на затылке жертвы мы найдём следы от падения из окна.

– Верно, – Туран кивнул. – Дальше.

– Сколько именно Рисан Ювин пролежал в сугробе под окном собственной спальни нам неизвестно, – с каждым словом Смаг чувствует себя всё уверенней и уверенней, – однако вполне достаточно, чтобы он замер в такой позе. По этой причине убийца не смог снять с трупа одежду и был вынужден её срезать. Причём делал он это в темноте и в жуткой

спешке. По всему телу видны следы порезов.

– Так называемых посмертный порезов, – уточнил Туран. – Видишь, Смаг: кожа рассечена, но следов кровотечения совсем нет. Давай дальше.

– Ещё в момент преступления убийца нанёс Рисану Ювину сильный удар по левой скуле. Вон, – Смаг поднёс указательный палец к лицу жертвы, – на коже отчётливо виден синяк.

– Верно, но не совсем, – вновь возразил Туран. – Синяк есть, но он заметно старый. Кто-то ударил Рисана Ювина задолго до роковой встречи с убийцей. Иначе синяк просто не успел бы проступить на коже. А этот не только успел, но ещё и «зацвёл», то есть, частично прошёл. И это важный момент. Ладно, давай дальше.

– Дальше? – Смаг обернулся. – Это всё, мастер, что я могу сказать.

Действительно всё, эмоциональный фон помощника зияет полной растерянностью.

– Хорошо, – Туран кивнул, – уточню: благодаря чему нам удалось найти труп Рисана Ювина?

В эмоциональном фоне молодого помощника проступила печаль. Того и гляди расплачется. Парень чувствует себя так, будто только что провалил самый важный, самый ответственный экзамен и теперь его поганой метлой выгонят из полиции. Впрочем, все, кто только обступил Турана в лесу возле замёрзшего трупа, растерянно хлопают глазами.

– Может, это, удача? – неуверенно протянул один из городских.

– Удача помогает только тем, кто знает, где искать, – Туран оглянулся на городского. – Найти труп Рисана Ювина нам помогло пресловутое «проклятие нишранов».

Всё равно не помогло. Смаг судорожно поглядывает то на Турана, то на труп Рисана Ювина. Шарик и ролик в голове молодого полицейского того и гляди разорвут ему череп. Да-а-а... Придётся сказать прямо.

– Практически каждый убийца стремится замести следы собственного преступления, очень часто и в первую очередь свалить вину на другого, – заговорил Туран. – «Проклятие нишранов» далеко не первый месяц будоражит обывателей Ничеево. На него уже попытались списать собственные преступления Тёфан Афрон и убийца Варма Ксижена. Тот, кто проломил Рисану Ювину череп, не придумал ничего более оригинального, как тоже свалить собственную вину на «проклятие». Но для выполнения задуманного преступнику пришлось выполнить несколько условий: вывести труп Рисана Ювина в лес, раздеть его и прислонить к дереву. В данном случае к сосне.

Если бы «проклятия нишранов» не было бы, то преступник мог либо оставить тело Рисана Ювина на месте преступления, либо попытаться бы избавиться от него другим способом. Вот тогда труп и в самом деле могли бы закопать, спустить под лёд или сжечь. Но обман не сработал, убийца

невольно подсказал нам, где искать тело Рисана Ювина. Ясно тебе?

– Да, мастер, – Смаг кивнул.

На душе у молодого помощника вновь стало легко и весело. Будто строгий преподаватель только что позволил ему вытянуть второй билет и поставил в журнал вожаденную пятёрку. Ничего страшного, со временем Смаг наберётся не только практического опыта, но и теории.

– Утус Дартин, – Туран развернулся на месте, ноги ещё глубже увязли в снегу, – оставляю вас за главного. Тело Рисана Ювина доставить в морг Управления. Там..., вскрытие, протокол. Впрочем, не мне вас учить.

– Будет исполнено, мастер, – фельдшер Дартин кивнул.

– Хотя нет, минуточку.

Из саквояжа криминалиста Туран извлёк лупу и складной метр. Не зря, значит, сумочка всё это время руки оттягивала. Тёплая рукавица легко смахнула с головы Рисана Ювина тонкий слой снега. Тут же во всей красе обнажилась квадратная рана, сквозь порванную кожу и примятые волосы проступили красные подтёки мёрзлой крови.

– Ровно десять сантиметров, – Туран поправил секцию складного метра на голове Рисана Ювина. – Похоже, я знаю, чем именно его убили. Утус Сван, – Туран сложил метр, – мне потребуется ваша помощь. Всем остальным до встречи в Управлении полиции.

Возбуждённые голоса городских быстро растаяли среди

вековых стволов. Можно не сомневаться: полицейские сами доставят тело Рисана Ювина в морг Управления. Самое главное, труп найден. Теперь по факту смерти чиновника Контрольной палаты можно смело возбуждать полноценное уголовное дело. Другое дело, Туран невольно улыбнулся случайному каламбуру, нужно ли брать его на себя?

С формальной точки зрения Турана прислала в Ничеево для расследования убийства Варма Ксижена. Так что с чистой совестью смерть Рисана Ювина можно спихнуть на местную полицию. Только зачем? Ещё вчера днём, когда Туран собирал информацию о бывшем главном инженере, всплыла очень интересная связь между Вармом Ксиженным и Рисаном Ювиным. И то, что второй ненадолго пережил первого, отнюдь не случайное совпадение.

До самого дома Тучкова дворник Сван оставался мрачнее тучи, хотя внешне сама любезность и жгучее желание услужить. Лишь возле подъезда Туран вспомнил, с чего это работник метлы и лопаты такой хмурый. Да, подобных проколов лучше не совершать.

– Уважаемый, – Туран протянул дворнику полтинник, – благодарю за оказанную помощь. А теперь последняя просьба: пригласите, пожалуйста, управляющего Неева с ключами от квартиры Рисана Ювина. Мне нужно кое-что проверить.

– Непременно, мастер, – дворник поспешно убежал.

Чаевые, монетка в пятьдесят совиртов, буквально исцелила дворника Свана от меланхолии. Дворники, а так же офи-

цианты, человеки (служители трактиров и ресторанов), горничные и прочие, кто обслуживает богатых и власть имущих, привыкли получать маленькие вознаграждения за свой труд. Впрочем, очень быстро эти самые маленькие подачки складываются в весьма ощутимую добавку к основному жалованью.

А вот мрачное настроение утуса Неева не в силах исцелить даже целковый. Управляющий домом Тучкова ничего не сказал, а молча отпёр дверь. Впрочем, о причинах можно догадаться и так. Через пару недель месяц закончится, наступит не только новый 9257-ой год, но и подойдёт срок оплаты. Только платить за шикарную и дорогую квартиру номер семь больше некому. Даже хуже. Ещё вчера Туран лично распорядился порядок в квартире не наводить, новых жильцов не пускать вплоть до окончания расследования. А для витуся Тучкова, владельца, и для его управляющего это прямые убытки.

Обстановка в гостиной осталось точно такой же, какой и была два дня назад. Впрочем, как и должно быть. Бронзовая статуэтка в виде медведя на задних лапах и канделябр на четыре свечи как и прежде стоят на комод. Туран остановился рядом в нерешительности. Какой из них? Впрочем, всё равно нужно будет проверить оба. Туран распахнул саквояж.

– Ровно десять сантиметров, – Туран поправил складной метр возле основания бронзовой статуэтки. – А здесь всего восемь и уголки заметно закруглены.

– Мастер, что вы делаете? – прямо из-за спины спросил Смаг.

Молодой помощник словно верная собачка ходит за Тураном по пятам. Любопытство проросло в душе Смага, когда они вернулись к дому Тучкова. Оно набрало силу и засияло ещё больше, когда управляющий распахнул дверь в квартиру Рисана Ювина. И оно же едва не вывернуло Смага наизнанку, когда Туран приложил складной метр к основанию бронзовой статуэтки в виде медведя на задних лапах.

– Мы только что нашли орудие убийства, Смаг, – Туран бросил складной метр обратно в саквояж. – Думаю, именно этой статуэткой убийца проломил Рисану Ювину череп. Хотя преступник и догадался стереть с основания статуэтки кровь и поставить её на место.

– А почему вы уверены, что именно этой статуэткой был убит Рисан Ювин? – в эмоциональном фоне Смага всё ещё мигает неудовлетворённое любопытство.

– Это элементарно, Смаг, – Туран усмехнулся. – Как ты должен знать, убийства бывают преднамеренными и неумышленными. В первом случае преступники обычно предпочитают заранее запастись чем-нибудь убойным. Например, пистолетом, ножом, топором. Даже обычным молотком можно легко и просто проломить человеку череп. Ну а неумышленное убийство обычно совершают тем, что первым подвернулось под руку. В этой роли очень часто выступают статуэтки и канделябры. Тем более такие массивные и

ухватистые как этот бронзовый медведь. Правда, и это тоже нужно признать, может быть и не этим убили Рисана Ювина.

От такой противоречивой логики Смаг опять растерялся. Казалось бы, очевидная вещь, и в одно мгновение пошла кувырком.

– Здесь нет никакого противоречия, Смаг, – Туран прочистил горло, а то неуместный смех окончательно доконал бы молодого помощника. – Вполне возможно, что убийца всего лишь оглушил Рисана Ювина этой бронзовой статуэткой. Да, череп проломлен. Да, мозги едва наружу не вылезли. Но, бывало, что люди оставались в живых и при более тяжких ранениях. Может быть, именно падение с третьего этажа и удар головой о кирпичную стену добили Рисана Ювина. На эти вопросы однозначно может ответить только фельдшер Дартин, он же патологоанатом Управления.

– И то, если у него на это хватит знаний и опыта, – закончил Смаг.

– Вот так оно и есть на самом деле. Утус Неев, – Туран подхватил с комода бронзового медведя, – статуэтку я изымаю.

– Как желаете, уважаемый, – тут же отозвался утус Неев. Управляющему домом Тучкова уже всё равно. Одной статуэткой меньше, одной больше – какая, мягко говоря, разница. Утус Неев находится в таком эмоциональном состоянии, что не будет возражать, даже если Туран решит вынести из квартиры всю мебель, снять все окна и двери и, в придачу,

содрать обои.

– Я оформлю акт изъятия, – бронзовый медведь опустил-ся на круглый стол посреди гостиной, Туран потянул на себя саквояж.

– Не стоит, мастер, – утус Неев расслабленно махнул рукой.

– Нет, стоит, уважаемый, – мягко, но твёрдо возразил Туран. – Это важная улика. Вполне возможно, что именно вам придётся опознать эту статуэтку в зале суда. Так что ждите от меня повестку.

Государственная служба давно научила Турана воздавать положенные жертвы всесильной бюрократии. Не прошло и пяти минут, как утус Неев с кислой миной на лице спрятал свёрнутый акт изъятия в карман и вновь запер дверь в квартиру номер семь.

После прохладной и тёмной квартиры свежий воздух на улице кажется тёплым и освежающим. Туран вздохнул полной грудью. Пусть до Управления полиции недалеко совсем, но небольшая прогулка не помешает. Тем более эмоциональный фон Смага опять мигает неудовлетворённым любопытством.

– Спрашивай, – Туран двинулся по тротуару в сторону Казацкой площади.

– Мастер, – тут же заговорил Смаг, – а как вы найдёте убийцу Рисана Ювина? Ведь на статуэтке его имя не написано.

– Ну, давай начнём с того, что статуэтка является очень важной уликой. Этот бронзовый медведь в зале суда произведёт на присяжных заседателей сильное впечатление. Тем легче прокурору будет добиться обвинительного приговора.

– Так вы уже знаете, кто убил Рисана Ювина? – эмоциональный фон Смага взорвался эмоциями.

– Нет, конечно же, пока не знаю. Другое дело, Смаг, что улики и прочие доказательства для суда собирать нужно заранее, а не накануне первого заседания. Ну а что касается твоего вопроса, то сперва нужно найти мотив.

На лице Смага отразилось полное непонимание. Вот как плохо, когда образованный, в принципе, молодой человек не прочитал в своей жизни ни одного детектива, даже самого грубого и далёкого от реальной жизни.

– Причина, Смаг. Мотив, это та самая причина, по которой убили Рисана Ювина.

– Ну, мастер, – разочарованно протянул Смаг. – Причин может быть очень много, вы сами говорили.

– Ничего подобного я тебе не говорил. А во вторых, главных причин, как ни странно, всего две.

Пойми главное, Смаг, – Туран резко остановился, рядом, по проезжей части, с шелестом и скрипом пролетели сани, – убийство, это очень серьёзное преступление. Соответственно, и причина решиться на такое должна быть очень и очень серьёзная. А таких в жизни существует всего две: деньги и любовь. Причём мужчины чаще всего убивают из-за первой,

а женщины из-за второй.

– А как же Тефан Афрон, который жену свою топором порешил и в лес голый уволок? – тут же возразил Смаг.

– Это была пьяная дурь. Тефан Афрон толком протрезветь не успел, как уже раскаялся в содеянном. По этой же причине он тут же и сознался, едва оказался в обезьяннике. Настоящий убийца, который решился на тяжкое преступление в здравом уме и в твёрдой памяти, заливать собственную советь дешёвым пойлом Чохарихи не будет. Учти это.

Нам придётся проверить обе причины: расспросить ближайшее окружение Рисана Ювина. То есть тех, кто жил с ним рядом, работал, развлекался. О! Кстати! – у крыльца Управления полиции Туран резко остановился. – Как раз с последнего можно начать.

– Я с вами, мастер, – Смаг тут же вытянулся по стойке смирно.

Ни дать ни взять верная охотничья собачка, которая учуяла след.

– Нет, Смаг, – Туран улыбнулся, – на сегодня ты свободен. Занеси статуэтку в кабинет и можешь идти домой.

– Но, мастер, – в душе молодого помощника разгорелось упрямство, – рабочий день ещё не закончился. В конце, концом ещё светло!

Энтузиазм и служебное рвение Смага можно только приветствовать. Пусть небо над головой затянуто серыми тучами, однако и в самом деле ещё светло. Пройдёт не меньше

часа, прежде чем улицы Ничеево погрузятся в темноту.

– Иди, иди, Смаг, – Туран махнул рукой, – на этот раз я справлюсь сам и только сам.

– Тогда скажите, куда вы пойдёте и что будете делать?

– Завтра, Смаг, завтра всё узнаешь.

Дразнить молодого помощника не есть хорошо, но уж больно забавно наблюдать за его эмоциями. Парень точно вошёл во вкус уголовного расследования. Можно сказать, первый в его жизни детектив, да ещё самый настоящий.

Если бы бронзовый медведь не стоял бы на задних лапах, то статуэтка, она же орудие убийства, вполне влезла бы в сейф. А так пришлось оставить её на сейфе. Там же, в кабинете, Туран опустил на пол тяжёлый саквояж. Для предстоящего расследования вполне хватит более лёгкой кожаной папки для бумаг и небольшого набора походной канцелярии. Снимать отпечатки пальцев ему точно не придётся, а вот допрашивать свидетелей и оформлять протокол – более чем вероятно. Хотя, Туран вновь вышел на крыльцо Управления полиции, в душе теплится надежда, что работать не придётся вовсе.

Глава 2. Женщина – как банально

Зимой темнеет рано. На город постепенно надвигаются сумерки. Небо над головой из серого затянутого тучами превратилось в чёрное. Сухонький старичок в светлом полушубке не спеша зажигает на Вольной улице фонари. Официально рабочий день уже закончился, на расчищенных от снега тротуарах появились праздно одетые прохожие. Обеспеченные горожане Ничеево спешат предаться законному отдыху и светской жизни. Только, Туран тихо вздохнул, кому веселиться по трактирам и ресторанам, а кому работать.

Два дня – слишком маленький срок, чтобы выучить Ничеево как почти родной Снорк. Смаг Руф, молодой полицейский, не только помощник, но и проводник. За эти два дня он привык следовать за начальником из губернии по пятам и ловить каждое его слово с раскрытым от восторга ртом. Со временем из парня получится отличный сыскной чиновник, самый первый в Ничеево. Но сегодня придётся обойтись без него. В маленьком уездном городке всё же есть одно место, куда лучше будет направиться одному.

В конце Вольной улицы необычайно длинное здание привлекает к себе внимание. Два этажа и на каждом десятка полота окон. Из покатой крыши торчит не меньше десяти кирпичных труб. Но главное даже не это, Туран притормозил на углу.

Сквозь толстые бревенчатые стены несёт похотью и сладострастием, лёгкой жизнью и чувственными наслаждениями. Шикарное крыльцо, вопреки ожиданиям, находится на дальнем конце фасада. Над высокой двухстворчатой дверью целых два масляных фонаря освещают изогнутую вывеску «Лёгкий пар». Чтобы у посетителей отпали последние сомнения, прямо над надписью красуется обнажённая девушка на низенькой лавочке. Шикарные распущенные волосы опускаются едва ли не до поясницы. Берёзовый веник с зелёными листочками в правой руке очень аккуратно и ловко прикрывает самые интимные прелести обнажённой красотишки.

Небольшой тамбур едва освещён маленькой керосинкой. Зато, едва Туран толкнул вторую дверь, в лицо тут же пахнула весёлая жизнь с ароматом женских духов, вина и едва приметного чуть влажного запаха бани. Первая комната, так называемый зал ожидания, буквально залита ярким светом аж четырёх больших светильников. За овальным столом пять молодых женщин в весьма откровенных банных халатиках разом повернули головы в сторону Турана. Крайняя с правой стороны торопливо захлопнула книгу.

– Добрый вечер, мастер Атиноу!

Перед Тураном, словно чёртик из табакерки, возник мужичок лет сорока-сорока пяти в щеголоватом сюртуке дымчатого цвета. Гладко выбритое личико лоснится от жгучего желания услужить дорогому гостю. Обширная лысина едва

прикрыта зачёсанными с висков волосами с проседью.

– Разрешите представиться, Гурьян Кенаев, владелец заведения.

– Лицензия у вас не просрочена, налоги вы платите регулярно и в полном объёме.

Застарелая шутка сама сорвалась с губ. Угодливая мина на миг слетела со смазливого лица утуса Кенаева, хотя обыватели Ничеево гораздо чаще и охотней называют его Конём.

– Шутить изволите, мастер Атиноу, – на лице Коня вновь засверкала улыбка профессионального подхалима. – Надеюсь, очень надеюсь, что вы почтили моё скромное заведение как клиент, а не как полицейский.

Владелец бани замер в почтительном полупоклоне. Туран расстегнул верхнюю пуговицу зимнего пальто. А Конь весьма и весьма скользкий тип. Буквально с порога распознал в Туране начальника из губернии, почему и обратился сразу на «мастер». Это плохо, но делать нечего.

– Это как получится, уважаемый, как получится, – левой рукой Туран сдвинул Коня в сторону.

Пусть внешне владелец бани горит желанием услужить дорогому гостю, только на самом деле на дне его эмоционального фона мельтешит тревога. Конь боится, очень боится, что залётный начальник из губернии зашёл в его заведение не как клиент. Нужно признать, у него есть все причины для беспокойства. В ту роковую ночь со второго на третье февраля Варм Ксижен, бывший главный инженер стройки, от-

правился в свой последний путь именно из «Лёгкого пара».

Испокон веков сложилось, что публичные дома в империи людей совмещены с банями. Конечно не все, а только самые дорогие, престижные и чистые. Слово «банщица» давно стало синонимом проститутки. Но, в отличие от уличной проститутки, которая только и умеет лежать с раздвинутыми ногами, настоящая банщица может доставить клиенту изысканное наслаждение, помыть его и провести расслабляющий массаж. Как холостой мужчина, тем более мастер, Туран регулярно наведывается в «Лёгкий пар» в Снорке. Местный «Лёгкий пар» изо всех сил тянется за губернским, но ему явно не хватает аристократического лоска.

Свободные банщицы выстроились перед овальным столом в ряд. Вот почему зал ожидания так щедро залит светом – чтобы лучше представить товар лицом. Каждая проститутка на вид не старше двадцати пяти лет. Белые халатики до бёдер не скрывают, а ещё более выразительно подчёркивают точёные фигурки. Длинные волосы рассыпаны по плеча. Что особенно примечательно, у каждой на лице ни капли косметики. Губки и те не подкрашены. Иначе жар и вода в один момент смоют всю фальшивую красоту.

Туран расстегнул зимнее пальто полностью, в зале ожидания довольно тепло. Проблема, однако. Последний раз помыться как следует довелось ещё в Снорке почти неделю назад. Гостиничный номер местного люка оборудован паровым отоплением, а вот ванны в нём нет. Но получится ли заод-

но помыться? Или, не приведи Великий Создатель, придётся ограничиться работой? Пауза затянулась. Эмоциональный фон владельца бани больше не мигает от страха, Конь окончательно растерялся.

– Мастер, – тихо, едва ли не шёпотом, произнёс Конь, – это, у меня солидное заведение. Специально для вас имеется отдельный номер.

– Мойка и парилка отдельно?

– К сожалению, нет, мастер, – Конь весьма натурально расстроился. – Зато из каждой мойки у нас имеется выход в небольшой огороженный дворик. Вы в любой момент можете окунуться в сугроб, либо банщица обольёт вас холодной водой. Поверьте, мастер, – Конь хитро прищурился, – только у меня вы сможете оценить по достоинству все прелести традиционной народной бани.

А это интересно, Туран задумался. Последний раз выскочить из жарко натопленной бани и с разбегу нырнуть в сугроб довелось в далёкой юности, больше десяти лет тому назад. «Лёгкий пар» в Снорке может похвастаться изразцовыми печами и кафельной плиткой на стенах и потолках, а вот возможностью выскочить на мороз и бухнуться в снег – этого нет.

– Кроме того, у нас отличная кухня и богатый выбор горячительных и прохладительных напитков, – Конь протянул меню.

Указательным пальцем Туран развернул меню. Действи-

тельно, список блюд и напитков более чем впечатляет. При желании в «Лёгком паре» можно плотно поужинать, совсем как в ресторане. Да и цены вполне божеские. Это ладно. Увы, самая главная проблема так никуда и не делась.

– Так вы возьмёте номер, приготовленный специально для вас, или будете работать? – на физиономии Коня вновь заиграла улыбка профессионального подхалима.

– А вот это мы сейчас и выясним, – Туран захлопнул меню.

Эмоциональный фон Коня потемнел от недоумения. Чего ещё, спрашивается, можно выяснять? Залётный начальник из губернии пришёл либо как полицейский, либо как клиент. Разве могу быть другие варианты?

– Скажите, пожалуйста, – Туран вежливо улыбнулся, – посещал ли ваше заведение мастер Бинтан?

– Да, бывало, – Конь захлопал ресницами, – только, увы, городской глава не балует меня своими визитами в силу преклонного возраста.

– Какая банщица его обслуживала?

Профессионализму владельца бани можно только позавидовать. Внешне Конь остался само воплощение любезности, на его холёном личике как и прежде сияет жгучее желание услужить дорогому гостю. А вот эмоциональный фон владельца задёргался как гадюка, который наступили на хвост.

– Жемчужина, – Конь нехотя, сквозь зубы, вытолкнул из себя одно единственное слово. – Только сегодня её нет.

Впрочем, я могу предоставить вам достойную замену.

Ловкий приём сменить тему разговора. Конь тут же подскочил к банщицам.

– Смею заверить вас, мастер, что любая из моих работниц, – левая рука Коня будто обняла всех банщиц, – ничуть не хуже Жемчужины.

Что-то здесь не так, Туран нахмурился. Ладно, если бы Жемчужина была занята. Только, по словам Коня, её нет вообще. Нет звезды заведения? Причём нужна она в двойном смысле: и как банщица, и как важный свидетель. Ладно, работа подождёт. Взгляд пробежался по банщицам. Как на подбор: красивые, ухоженные, из-под коротких халатиков выглядывают весьма соблазнительные ножки. Не хочется, упорно не хочется уходить из бани не солоно хлебавши. Ладно, можно попробовать по-другому, Туран развернулся на месте.

Азы работы эмпата: если лица человека не видно, то понять его глубинные эмоции будет заметно легче. Так, в первую очередь закрыть глаза и «прислушаться». Секунда, другая. Вот сквозь тьму перед внутренним взором проступили эмоциональные контуры владельца бани и молодых женщин. Причём все шестеро удивлены столь странным поведением дорого гостя. Похоже, мастер Бинтан слишком давно не заглядывал в «Лёгкий пар».

С Конём понятно и так: владелец бани бздит и старательно молит Великого Создателя, чтобы залётный начальник вы-

брал одну из красоток и удалился с ней в номер. А там и водочка, и вино, и никаких неприятных расспросов. С банщицами гораздо хуже.

Увы, чего и следовало ожидать. Разочарование словно студёный нож кольнуло в затылок, Туран недовольно поморщился. Первые четыре банщицы подобны четырём кускам льда. Внешне такие приветливые, а внутри пустота. У всех четырёх только одна надежда – пусть дорогой гость из губернии выберет другую. Одна из них так вообще люто ненавидит клиента и мысленно уже устроила ему мелкую пакость из разряда плюнуть в чай или «случайно» плеснуть мыльной водой прямо в глаза.

Хотя, хотя... От радости и надежды сердце забилося с утроенной силой. В эмоциональном фоне пятой банщицы читается жуткий стыд. Зато ещё глубже нашлась и причина – любопытство. По крайней мере, не холод, не омерзение или тихая ненависть. В принципе, можно попробовать.

– Крайняя слева подойдёт, – Туран тут же вытянул левую руку.

– Вы уверены, мастер? – от удивления Конь даже позабыл о собственном страхе.

– Уверен, – Туран вновь повернулся к банщицам лицом.

Щёчки банщицы, той самой, крайней слева, покраснели от смущения. Однако, как того требует обычай, она подошла ближе. Руки с коротко стриженными ногтями распахнули и без того символический халатик. Туран улыбнулся, теперь

понятно, с чего это так удивился Конь, да и сама банщица тоже.

Какой бы приятной бледностью не отливала бы кожа банщицы, но не отметить её угловатую и плотную фигуру невозможно. Недаром говорят, что именно в бане больше всего можно узнать о человеке по его внешнему виду. Детство и юность молодой женщины были ох какими несладкими. Крестьянка, не иначе. Когда дети дворян и прочих богачей беззаботно резвились на лужайке перед домом, ей приходилось работать, причём много. Плечи слишком широкие для женщины. Бицепсы словно у подростка. Талия едва просматривается. Полные бёдра и крепки икры. А ступни, не маленькие и изящные, а большие и грубые. Вполне возможно, что лет до пяти-шести, а то и до десяти, молодая банщица ходила босиком, либо в очень просторных лаптях или валенках. Естественно, за годы работы в бане трудовые мозоли на ладонях и ногах заметно поистёрлись, но так и не сошли полностью.

Что самое забавное, молодой банщице стыдно не от того, что на её прелести пялится незнакомый мужик. Нет, как раз к этому она привыкла. Где-то глубоко, почти на самом дне, она даже рада, что залётный мастер из губернии выбрал именно её. Признаться, странное сочетание.

— Мастер, при всём уважении, но позвольте порекомендовать вам Исару.

Другая банщица тут же подошла ближе и распахнула ха-

латик. Туран перевёл взгляд. Ну да, не сравнить. Дворянка, причём потомственная. Фигура как у классической статуи, рюмочкой. Гладкие бёдра и нежные руки. Сразу видно, что Исаре не приходилось с раннего детства много работать и плохо кушать. Будь Туран обычным мужиком, то несомненно позарился бы на прелести живой статуи.

Одно плохо: эмоциональный фон Исары похож на болото с затхлой водой. Именно она тайно мечтает как бы случайно плеснуть мыльной пеной залётному начальнику прямо в глаза. Такая и кипятком облить может, и бокал вина на дорожку рубашку уронить. Нет, Туран машинально качнул головой, кто угодно, но только не она.

– Нет, уважаемый, мне больше по душе эта, – Туран показал на крестьянку.

– Но, мастер..., – было протянул Конь.

– Клиент всегда прав, – тут же отрезал Туран.

Старая как мир истина в один момент охладила пыл Коня. Клиент, действительно, всегда прав. Если залётному мастеру из губернии по душе крестьянская кобылка, то пусть она и будет.

– Что будете заказывать? – на лице Коня вновь заиграла улыбка профессионального подхалима, от минутного удивления не осталось и следа.

– Так, – Туран распахнул меню, что так и осталось у него в руке, – холодный морс, кувшин, целый: горячий чай без сахара один чайник; и-и-и..., – глаза пробежались по спис-

ку, – пожалуй, чего-нибудь из выпечки. Пара ватрушек с яблочным вареньем и пирожков с картошкой вполне подойдут. И всё, пожалуй.

– Пиво? Водка? Могу предложить первоклассный самогон.

– Нет, не нужно.

– Как изволите, мастер, – Конь льстиво склонил голову.

На самом деле в эмоциональном фоне хозяина бани запульсировала досада. Как и прочие владельцы увеселительных заведений, Конь прекрасно знает – если клиент отказался от спиртного, значит ни загула, ни кутежа не будет. А, значит, не будет безумного расшвыривания виртов и заоблачных чаевых. Хотя, и это нужно признать, прямого воровства владельцы приличных бань избегают и жестоко наказывают прислугу, если из кошелька клиента пропадёт хотя бы гривенник. Репутация дороже.

– Прошу вас следовать за мной, – выбранная банщица мило улыбнулась, весьма откровенный халатик скрыл её плечи и обнажённую грудь.

Щёчки молодой банщицы всё ещё отливают красным. Странно? Обычно стыдятся начинающие проститутки, которые ещё не успели потерять всю без исключения невинность. Да, банщица молода, только она никак не похожа на новенькую. Иначе Конь непременно намекнул бы на свежачок и потребовал бы доплатить. Стыдливая банщица проработал в «Лёгком паре» не меньше года.

Длинный коридор освещён заметно экономней зала ожидания. Не слишком частые светильники по большей части разгоняют тьму, чтобы клиент не споткнулся на ровном месте и не более того. По правую руку потянулись двери, причём косяки старательно обиты плотным войлоком.

– Прошу вас, мастер, – молодая банщица толкнула дверь с большой цифрой четыре.

А это уже интересно, Туран наклонил голову. Дверь в номер запирается на самый обычный деревянный вертушок. Чтобы попасть вовнутрь достаточно дёрнуть за ручку несколько сильнее обычного. Выбраться наружу в коридор ещё легче, для чего достаточно лёгкого толчка. Обычная предосторожность. Бывает, и не так уж и редко, когда банщице нужно как можно быстрее выскочить из номера, либо прислуге открыть снаружи дверь.

Зимнее пальто легко соскользнуло с плеч, Туран аккуратно перехватил его левой рукой. Стены просторного предбанника обиты приятными для глаз тонкими рейками. Причём древесина не потемнела от времени, а сохранила первоначальный вид. Туран провёл кончиками пальцев по стене, ну да, самый обычный лак. Зимнее пальто и валенки легко разместились на вешалке с широкой полкой. Тут же, к удобству посетителей, нашлись войлочные тапочки.

Банщица прямо на ходу скинула халатик. Бедро молодой женщины как бы невзначай задело Турана. Впрочем, работница заведения тут же отошла в сторону и ловко заверну-

лась в белую простыню. Туран перевёл дух. Одно только это мимолётное представление выдаёт немалый опыт стыдливой банщицы. Вместо того, чтобы предстать перед клиентом в голом виде, она всего лишь на несколько секунд показала все свои прелести и тут же скрыла их под простынёй. Впрочем, сдёрнуть этот кусок ткани не представляет большого труда. Ладно, Туран повесил на вешалку сюртук, всему своё время.

В левом углу просторного предбанника прямоугольный стол. На краю стопочкой сложены чистые тарелки, рядом две большие кружки и небольшой набор стеклянных бокалов и рюмок для самых разных алкогольных напитков. Словно в настоящем ресторане столовые приборы завернуты в белоснежные салфетки.

Вместо стульев две деревянные лавки, причём заметно шире, чем это обычно бывает. Самая длинная на манер дивана обита мягкой кожей. Две квадратные подушки как бы невзначай намекают, для чего на самом деле предназначены обе лавки. Главное украшение предбанника – большая кирпичная печь. Голубые изразцы дышат жаром. За чугунной дверцей гудит и потрескивает пламя.

За узкой дверью с деревянной ручкой должна быть мойка. Любопытство сильнее. Так и есть, Туран улыбнулся. Если предбанник щедро освещён сразу двумя керосиновыми лампами, то в мойке, на маленькой угловой полочке, светит всего одна. Зато сама мойка обустроена по высшему разряду. Широкие полаты из гладких досок гигантской лестницей

поднимаются почти к самому потолку. У печи стоит ещё одна широкая скамейка. Рядом шипит и трещит железный котёл, большая деревянная крышка давно потемнела от жара и пара. Туран вытянул шею, а вот и обещанный выход во двор. Впрочем, до него дело ещё дойдёт.

От влажного жара мойки на лбу выступил пот, Туран стащил с плеч чуть влажную рубашку. Жаль, не сообразил прихватить с собой комплект чистого нижнего белья. Придётся довольствоваться трусами и майкой недельной свежести. Впрочем, ничего страшного, в гостиничном номере можно будет переодеться. Последними прямо на валенки легли носки, Туран с превеликим удовольствием завернулся в белую простыню. Хотя, если возникнет такое желание, то к его услугам широкий банный халат с завязками на талии.

В целом, очень даже цивилизовано, уютно и в меру тепло. Ничеево не такая уж и дыра, как пугал мастер Луган, полицмейстер Снорка. Хотя, и это тоже нужно признать, этот номер на гордое звание люкс никак не тянет. В губернском «Лёгком паре» он был бы средним и по отделке, и по цене. Впрочем, как раз такие Туран и предпочитает снимать, своеобразный компромисс между амбициями и кошельком, а заодно воспоминания о далёком детстве.

– Как тебя зовут, красавица, – Туран плотнее запихнул на талии простыню.

– Юрга Нордан, можно просто Юрга, – банщица отвела глаза.

Для проститутки она слишком стеснительная.

– Ваш заказ скоро принесут, мастер. С чего желаете начать? Может, с парилки? – левая рука Юрги указала на узкую дверь в мойку. – Или мне сразу снять простыню?

В эмоциональном фоне Юрги засветилась надежда. Как и всякая банщица она не прочь обзавестись постоянным клиентом. Особенно если этот клиент молод и хорош собой. В свои 26 лет Туран не успел обзавестись обвислым животом и дряблой грудью. К тому же, он мастер. Так что, если разобратся, он – идеальный клиент.

– Нет, Юрга, – Туран стянул с себя простыню, – в первую очередь я пришёл в баню. Так что давай так: я разогреюсь, выйду на улицу, ещё раз разогреюсь, помоюсь, а потом ты приляжешь вон на ту лавочку.

– Как желаете, мастер, – Юрга склонила голову.

Даже по лицу банщицы видно, насколько ей по душе пришлось такое расписание. Оно и понятно – обслуживать чистого клиента гораздо приятней, нежели грязного. А в баню и в самом деле если не в первую, то во вторую очередь приходят всё же чтобы помыться. В мойке Туран тут же забрался на самые высокие полаты, где жарче всего. Юрга без лишних напоминаний плеснула на камни с четверть ковшика кипятка. Тугой, влажный жар тут же окутал Турана с головой.

После стылой улицы и беготни тело принялось с утроенной силой впитывать тепло. Очень скоро на коже маленькими блестящими капельками выступил пот. Юрга не стала за-

бираться следом на полог, а примостилась на низенькой табуретке у входа в мойку. Туран склонил голову. Ну правильно, ей и так приходится по десять раз на дню «ходить в баню». Опытные банщицы стараются перегреваться как можно реже, слишком много пара вредно для кожи, волос и для здоровья в целом. Гораздо интересней другое: в эмоциональном фоне Юрги горят стыд, радость и... вожделение. Очень странное сочетание. Пока же ясно одно – сегодня он отдохнёт по полной.

Влажный жар расслабил тело и разум, следом обострился «слух». Туран не стал противиться приятной неге и закрыл глаза. Физический мир будто растворился в серой пелене. Зато вовсю засверкал причудливый и ни на что не похожий мир эмоций. Прямо за бревенчатой стеной находится еще один номер. Клиент – мужчина в годах. Не иначе он лежит на скамье возле печи, а банщица щедро охаживает его распаренным веником. Внеземное удовольствие волнами растекается по телу мужчины после каждого удара. Клиент в первую очередь балдеет от самой помывки, мысли об интимной близости с молодой и красивой банщицей его занимают мало. До соития может и не дойти. Подобное бывает сплошь и рядом. Другое дело, что клиенты не любят признаваться в этом, а банщицы, ясно дело, предпочитают им подыгрывать.

Зато в номере через противоположную стену веселится молодежь. Причём клиентов целых три, а банщица всего одна. И такое бывает, когда в жилах кипит кровь, а кошелек не

может похвастаться толщиной. Оптом всегда дешевле. Чистота собственного тела волнует молодых людей в самую последнюю очередь. Туран улыбнулся. На память пришли слова незабвенной угоры Агнесы, банщицы, которая работала в Раконском университете.

В закрытый государственный университет попадают подростки четырнадцати-пятнадцати лет всех без исключения сословий и званий. Естественно, кровь бурлит, а девушки кажутся особенно прекрасными и желанными. Чтобы юные воспитанники не убегали в самоволку, в Раконском университете работает своя баня. Заодно её используют как для поощрения учеников, так и для наказания. Агнеса – одна из банщиц. В тот год ей было то ли тридцать шесть, то ли все сорок. Именно в её объятьях Туран впервые познал радости половой любви.

Агнеса умела не только хорошо «тереть спинку». Главное, она была отличным педагогом. Именно она привила Турану любовь к бане и научила не превращать заботу о теле в разнузданную оргию. Помывка и близость с женщиной – дела интимные, только для двоих. Третий – лишний, не говоря уже о четвёртом, пятом и так далее. Вот почему Туран предпочитает заказывать отдельный номер и только одну банщицу. Хотя, было бы желание, можно было бы взять хоть всех пятерых свободных. Как в подобных случаях любят говорить владельцы бань, да и не только они, любой каприз за ваши деньги.

Туран отвёл душу. Париться зимой, когда на улице мороз и снег, одно сплошное удовольствие. К тому же, на собственном примере Юрга уговорила выйти из парилки во двор и окунуться в сугроб. Нужно признать, ни с чем не сравнимое ощущение. Особенно, когда прямо на твоих глазах прямо на твоей коже тает снег. В третий и в последний раз Туран не просто вышел на мороз, Юрга опрокинула на него ведро холодной воды. Нужно признать, подобного удовольствия в Снорке нет и не предвидится.

Пусть у Юрги фигура не как у классической статуи, зато она показала себя великолепной банщицей и отмыла Турана от души. Действительно от души. Пока её ловкие руки елозили мочалку туда-сюда, в эмоциональном фоне молодой женщины тихо зрело предвкушение вкупе с удовольствием. Приятно, втройне приятно, когда самая обычная гигиеническая процедура доставляет удовольствие не только тебе, но и самой банщице. После, когда из мойки они перебрались на широкую лавку в предбанник, Юрга удивила Турана ещё раз.

Нет, молодая женщина не обладает гибкостью кошки. Нет, она не знает сотню и одну позу. Зато Юрге нравится заниматься любовью. В момент близости она пережила не меньше трёх-четырёх оргазмов. Причём самых настоящих, а не искусственных. Зато стало понятно, что за огонёк стыда постоянно тлеет в её душе. И это при том, что Юрга понятия не имеет, каким огромным потенциалом на самом деле она обладает. Хотя, для начала, нужно кое-что уточнить.

Кому-то после основательной помывки нравится уговорить кружечку-другую прохладного пивка, кто-то не отказывается от рюмочки-другой чего покрепче. Туран же предпочитает чай, особенно крепкий и свежезаваренный. Приятное тепло разморило так, что хочется просто бухнуться на мягкую лавку и поваляться часок-другой ничего не делая. Туран грустно улыбнулся собственным мыслям. Практически вся его половая жизнь прошла на подобных широких лавках под шум воды и запах мыла. Да, бывало, пару раз, любопытства ради, он заказывал банщицу на дом. В снорском «Лёгком паре» есть и такая услуга. Только, и это стыдно признать, за все свои 26 лет он не провёл с одной и той же женщиной в одной и той же постели больше одной ночи подряд. А было бы интересно попробовать. Тем более в Снорке, прямо в его рабочем кабинете, за соседним столом сидит одна кандидатка, которая с радостью согласится провести с ним не только две ночи подряд, но и всю жизнь. Не будь она столь настырной и дочерью губернатора, то можно было бы попробовать.

Увы, Туран сел прямо, чуть влажная простыня едва не соскользнула с талии на пол, удовольствие закончилось, пора завязывать, тем более появились новые обстоятельства. Можно даже сказать, неожиданные обстоятельства.

Остатки чая – самые крепкие, самые вкусные, Туран налил себе третью чашку. Нужно будет заказать ещё.

– Юрга, – Туран поставил пустой чайник на стол, – ты знаешь, кто я?

– Да, – банщица чуть заметно кивнула, – правдовид.

– А что это значит?

– Что вы большой начальник и перед вами все, – Юрга на миг споткнулась, но тут же продолжила, – очень уважают.

Туран улыбнулся. Она явно хотела произнести другое слово, более хлёсткое и грубое, но вовремя спохватилась.

– А если более конкретно?

– Ну-у-у..., – Юрга смутилась, – когда вам что-нибудь говорят, то вы знаете, когда говорят правду, а когда врут.

– Правильно, – Туран подхватил со стола почти полную кружку.

На самом деле это не совсем так. Как эмпат Туран чувствует только эмоции, в том числе когда человек говорит правду и когда заведомо врёт. Но, увы, человек может сказать не всю правду или только то, что искренне считает правдой сам. При желании, правдовида можно обмануть. Другое дело, что Туран давно перестал всем и каждому объяснять такие тонкости. Да и работать, честно говоря, гораздо удобней, когда допрашиваемый уверен, что его ложь не проскочит ни под каким соусом.

– Приходилось ли тебе обслуживать мастера Бинтана, городского главу?

– Ни разу, мастер, – Юрга отвела глаза.

– Он тебя ни разу не выбрал?

– Нет, при мне он ни разу не посетил нашу баню.

Вот оно как, Туран усмехнулся, кружка с чаем дрогнула

в его руке. Конь несколько преувеличил мужские возможности главы города. Зато понятно, почему такой талант до сих пор так никто и не заметил, тем лучше. В голову тут же стрельнула шальная мысль. Тем более пока поблизости нет Исслары Шандар, не будь она на ночь помянута, вполне можно попробовать. Мало найти в ручье золотой самородок размером с кулак, гораздо важнее распорядиться им с умом, а не тупо проиграть в карты в ближайшем же трактире.

– Юрга, – на всякий случай Туран опустил недопитую кружку обратно на стол, – а тебе не хотелось бы переехать в Снорк и работать не в этом «Лёгком паре», а в настоящем. Ну, то есть, в губернском «Лёгком паре». Причём обслуживать тебе пришлось бы либо мастеров, либо очень богатых мужчин. Причём никаких купцов средней руки или офицеров ниже майора.

От удивления молодая женщина немного подалась назад. Чуть влажная простыня на её груди тут же разошлась, Юрга едва успела перехватить её левой рукой.

– А с чего это мне должна выпасть такая честь, мастер, – Юрга вновь запихнула простыню на груди.

Хороший вопрос, про себя Туран самодовольно улыбнулся. Юрга гораздо умнее, чем кажется на лавке без простыни поперёк груди. Другая банщица тут же согласилась бы или сразу попыталась бы набить себе цену.

– Да, действительно, а с чего такая честь? – Туран демонстративно отвернул лицо. – Ведь здесь работает Исара, чьи

прелести я уже успел заметить, когда ещё только заглянул в ваше чудесное заведение. Откровенно говоря, Юрга, ты проигрываешь ей по всем статьям. А ещё здесь работает Жемчужина, узреть которую мне не довелось, но о талантах которой я уже наслышан.

При упоминании звезды «Лёгкого пара» в эмоциональном фоне Юрги будто взорвалась маленькая бомбочка. На миг молодая женщина наполнилась страхом, но тут же успокоилась. На её лице не дрогнул ни один мускул. С такой выдержкой только в покер играть.

– Почему Исаре перебраться в Снорк я не предложил и даже не выбрал её? Почему спинку в этом чудесном номере мне тёрла дочь простого крестьянина? Ты не знаешь?

Вопрос риторический. Юрга и не думала отвечать на него. Щёки молодой банщицы опять стали пунцовыми. От таких разговоров она окончательно растерялась.

– Я могу объяснить, Юрга, – в два больших глотка Туран осушил чашку с чаем и вновь поставил её на стол. – Ты и без меня прекрасно знаешь, как именно в бане появляются новые банщицы. Если коротко, то не от хорошей жизни. Рискну предположить, что тебя заставила самая настоящая бедность, а то и самый настоящий голод. Вместе с тем проституция практически сразу ставит крест на надеждах однажды выйти замуж, а многочисленные аборты очень часто заканчиваются бесплодием. Не удивительно, что на самом деле проститутки тихо ненавидят всех мужиков. Только что

там на душе у смазливой банщицы клиентов в массе своей не волнует вовсе, главное, чтобы она умела хорошо тереть спинку как в прямом, так и в переносном смыслах. От уличных проституток не требуется даже этого. Однако, как ни странно, не всем клиентам плевать на душевые переживания смазливых банщиц.

При этих словах Юрга встрепенулась. В её эмоциональном фоне с треском и искрами столкнулись противоречивые мысли и желания. От столь адского коктейля щёчки Юрги стали не просто красными, а ярко-красными. Не иначе, столь откровенно с ней не говорил ни один клиент.

– Исара, поди, – Туран стрельнул глазами в сторону зала ожидания, – из дворян будет. Может дочь ссыльного, может просто вконец обедневшего. Она люто ненавидит всех мужиков. А всё потому, что со своей точёной фигуркой классической статуи и благородным происхождением она лелеяла мечты удачно выйти замуж за богатого аристократа и блистать на балах в высшем обществе. Вместо этого она оказалась здесь, в провинциальной бане, где её великолепные бедра и груди лапают всякие жирные уроды, а ей приходится мило улыбаться и угождать всем без исключения. Не удивлюсь, если Исара любит устраивать клиентам мелкие пакости из разряда ошпарить кипятком, добавить в чай вместо сахара соль или как бы ненароком пролить на дорогие портки из шёлка не менее дорогое вино.

– Да, так оно и есть, – Юрга распрямила спину. – Конь

постоянно ругает её за это и даже бьёт. Не будь Исара потомственной дворянкой, он давно выгнал бы её в ночь на мороз.

Туран улыбнулся, предположение оказалось правдой. Тем лучше.

– На самом деле, Юрга, правдоvidы чувствуют не ложь в словах, а эмоции людей во всём их великолепии. Причём, им не мешают ни темнота, ни кирпичные стены. По этой причине мастера самым натуральным образом брезгуют обычными проститутками. Поверь мне, Юрга, я знаю, о чём говорю. Противно, – Туран поморщился, – до дрожи в коленях противно ощущать под собой «живую покойницу», которая мило улыбается, а на самом деле мечтает только об одном, чтобы клиент поскорее кончил и слез с неё. Особенно противно, когда «живая покойница» притворно охает и дёргается якобы от внемземного наслаждения, а на самом деле держит тебя за последнего лоха.

Симпатичная головка молодой банщицы загудела от напряжения. Никогда ранее ничего подобного слышать ей не доводилось. Не удивительно: обычных проституток не утруждают учёбой. Очень часто владельцы бань прямо запрящают читать проституткам даже любовные романы, не говоря уже о научно-популярной литературе. Красивая женщина должна быть глупой – вот такой стереотип до сих пор блуждает в обществе.

– Я тебе даже больше скажу, Юрга: если бы в зале ожидания не оказалось бы тебя, то мне пришлось бы просто раз-

вернуться и уйти.

– Почему, мастер? – молодая банщица и в самом деле до сих пор не догадалась почему.

– Однако всё не так плохо, – Туран как ни в чём не бывало продолжил импровизированную лекцию. – Пусть и довольно редко, однако встречаются проститутки, которым нравится, на самом деле нравится, их работа, которые получают от близости с клиентом самое настоящее удовольствие. Именно такие проститутки становятся звёздами заведения типа вашего «Лёгкого пара». В этом случае возможность ощущать эмоции другого человека, женщины, да ещё в момент соития, оборачивается благом. Приятно, до чёртиков приятно, ощущать под собой вулкан страстей. Особенно приятно, когда женщина достигает наивысшего наслаждения. Это невозможно описать словами, это нужно прочувствовать самому.

Вот почему, Юрга, когда я только-только зашёл в ваш зал ожидания, то в самую первую очередь спросил Жемчужину. Она, несомненно, звезда вашего заведения. Она получает самое настоящее удовольствие от своей работы, в противном случае она не смогла бы обслуживать мастера Бинтана, который, как ты знаешь, правдивид.

Сознайся, Юрга, – Туран хитро прищурился, – ведь тебе тоже нравится твоя работа. Здесь, со мной, на этой самой лавке, ты пережила не меньше трёх приступов высшего наслаждения. Другое дело, что в тебе говорит строгое крестьянское воспитание. Тебе стыдно, очень стыдно, от соб-

ственной распущенности. Стыдного от того, что ты получаешь вземное удовольствие от близости с незнакомыми мужчинами по несколько раз на дню. Тебе ещё за это и деньги платят.

Как говорят в подобных случаях в народе, не в бровь, а в глаз. Не только щёки, но и всё лицо молодой банщицы запылало от стыда и смущения. Юрга чувствует себя так, будто её поймали на самом подлом воровстве, на самом грязном обмане. Туран легко и просто вытащил на яркий свет её самую затаённую, самую постыдную тайну.

Молодая женщина фонтанирует эмоциями. Пальцы Юрги дрожат, аккуратно подстриженные ногти нервно елозят по столешнице. Ей хочется, до жути хочется, вскочить на ноги и выбежать прочь из номера. Не важно куда, лишь бы подальше и как можно быстрее. Но, и это очень хорошо, холодный разум, пусть и с преогромным трудом, заставил её усидеть на лавке. Глупое бегство ничем ей не поможет.

– Юрга, – своей рукой Туран накрыл ладошку молодой банщицы, – тебе уже поздно стыдиться. Раз уж так получилось, раз уж так распорядилась судьба, не противься ей, используй всё, что она тебе дала. Уже сегодня вечером ты станешь звездой «Лёгкого пара». Платить тебе будут гораздо больше, чем сейчас. Главное, ты сможешь сполна наслаждаться своей работой. Другое дело, что ни Конь, ни кто иной ещё не знают об этом. Если бы в баню хотя бы раз заглянул мастер Бинтан, то он сразу открыл бы тебя. А так эта

честь выпала мне. Грех не воспользоваться случаем к обоюдной выгоде.

Первый эмоциональный порыв сбежать и скрыться благополучно схлынул. Молодая женщина перестала дрожать, а кровь отхлынула от её лица. Холодный разум в её душе уже не просто с трудом сдерживает вожжи, а уверенно правит буйной тройкой эмоций. Как минимум она готова слушать.

– Иди ко мне, – Туран пересел на край скамьи.

Юрга послушно присела рядом. Лёгким движением Туран сдёрнул с её груди чуть влажную простыню. Правая рука медленно опустилась по груди молодой женщины к низу живота. В эмоциональном фоне Юрги тут же зажглось удовольствие и предвкушение. А почему бы и нет? Свободной рукой Туран стащил с себя простыню.

В момент повторной близости Юргу окончательно провало. Огонёк стыда в её душе мигнул в последний раз и погас. На этот раз молодая женщина едва ли не раскалилась от эмоций. И смех и грех: на спине у Турана остались царапины от ее ногтей.

Ух! Туран вновь завернулся в простыню. Пить хочется, а чайник, как на грех, пустой. Надо бы послать Юргу за добавкой, но пусть лучше придёт в себя. Молодая банщица так и осталась лежать на широкой лавке. Длинные волосы влажным водопадом пролились на пол.

– Вы правы, мастер, – Юрга приподняла голову, – только Конь меня просто так не отпустит.

О! А это совсем-совсем другой разговор. Туран придвинул ближе кувшин с прохладным морсом, отличная замена горячему чаю. Да и ватрушки ещё остались.

– Я правдовид и Конь знает об этом, – Туран надкусил ароматную ватрушку. – Только всё не так просто. Я не имею права заносить в протокол собственные ощущения и наблюдения. Конь слишком скользкий и знает об этом. Если я начну его допрашивать, то он может легко скатиться если не до откровенного вранья, то до полуправды точно. А мне нужна правда, целиком и полностью. Ты слышала о смерти витуса Ксижена? Ну, это, главного инженера со стройки.

– Да, мастер, – Юрга медленно села прямо и вновь завернулась в простыню.

– А ты знаешь, что витус Ксижен в ночь убийства ушёл из «Лёгкого пара», но домой так и не вернулся.

Юрга плотнее зачихнула на груди простыню, но так и не отвела. Впрочем, и без слов понятно, что она прекрасно знает об этом. Может быть, даже она была в числе тех, кто в последний раз видел как Варм Ксижен прошёл через зал ожидания и вышел на улицу. Ну, не считая убийцы, конечно же.

– Мне нужно знать, что произошло у вас в тот роковой вечер, ну или что могло произойти, – тут же уточнил Туран. – Но люди лгут, Юрга. Поэтому докопаться до истины очень сложно. Если ты расскажешь мне, что произошло в тот роковой вечер, то мне будет гораздо легче прижать Коня, расколоть его, заставить рассказать правду целиком и полностью.

– Конь тут же выгонит меня на мороз! – Юрга резко подняла голову, но тут же опять опустила её.

В эмоциональном фоне молодой женщины полыхнул страх. Какая бы нужда не привела Юргу в «Лёгкий пар», как бы она не жалела об этом, однако работа в бане даёт ей средства на жизнь. Страх вновь оказаться на улице без средств к существованию холодной рукой стиснул её сердце.

– В этом-то вся и соль, Юрга, – Туран наклонился ближе. – Пока Конь не знает о твоём таланте. Но, как я уже тебе говорил, счёт идёт на часы. Если не сегодня вечером, то завтра утром кто-нибудь обязательно просветит его. С обычными проститутками мастера в одном номере не парятся, тем более дважды подряд не занимаются любовью. Это всё, без вариантов.

Когда Конь узнает о твоём таланте, то он вцепится в тебя руками, ногами, да ещё и зубами для полной надёжности. Он будет сулить тебе золотые горы и ползать перед тобой на коленях. Ладно, если и в самом деле молить и ползать. А если, не приведи господь, запрёт тебя на замок? Что-то мне подсказывает, что Жемчужины больше нет. Конь потерял одну звезду своего заведения и страсть как не захочет расстаться с ещё одной.

Я же привезу тебя в Снорк и лично отведу в настоящий «Лёгкий пар». Ты будешь жить в большом городе и зарабатывать больше чем сейчас. Гораздо больше, даже если станешь здесь звездой. Банщиц с твоим талантом очень мало,

тебя не просто примут, а оторвут с руками. Ну а пока ты будешь жить со мной в гостинице в номере люкс и кушать со мной за одним столом в ресторане. Тебе не придётся больше работать здесь, отдохнёшь неделю, а то и две, пока я не закончу в Ничеево все дела.

В душе молодой женщины разверзся ураган с громом и молниями. Юрга отвернула лицо, её щеки вновь налились краснотой, а ногти опять принялись нервно елозить по столешнице. Эмоциональный фон банщицы пестрит цветами страха, надежды, амбиций и недоверия.

Юргу можно понять, Туран подцепил из вазочки последнюю ватрушку. Сейчас ни много, ни мало решается её дальнейшая судьба. Похоже, молодой женщине и в самом деле пришлось в жизни ох как не сладко. Приятные мечты о будущем схлестнулись со страхом потерять то, что уже у неё есть. Конечно, можно было бы надвить на неё авторитетом, припугнуть удостоверением полицейского со значком, а то и вызвать в Управление полиции на официальный допрос под протокол. Только, как любит повторят утус Бизин, наставник, гораздо лучше, гораздо полезней, когда свидетель даёт показания сам, добровольно. Всё меньше вероятность, что он не «забудет» что-нибудь важное и не откажется от собственных слов прямо в зале суда.

Только, увы, бесчисленные пощёчины от жизни не прошли даром. Пусть Юрга так ничего и не ответила, однако видно и так, как в её эмоциональном фоне страх потерять всё

взял верх над всеми остальными эмоциями и желаниями.

– Как хочешь, уважаемая, – Туран демонстративно поднялся со скамьи. – У тебя был шанс, но ты побоялась им воспользоваться. Я допрошу Коня и расскажу ему о твоём таланте. Может быть, в благодарность, он честно расскажет мне, что же произошло в тот роковой вечер. Ну а ты станешь звездной провинциального «Лёгкого пара» и займёшь место Жемчужины.

Никогда не знаешь, какой именно аргумент окажется самым убойным. Туран не успел обогнуть стол, как Юрга резко поднялась со скамьи.

– Подождите, мастер, – белая простыня соскочила с груди Юрги, она едва успела перехватить её правой рукой, – я всё скажу.

– Вот это другое дело, – Туран усмехнулся.

Туран прошёлся до вешалки у входной двери и вытащил из внутреннего кармана сюртука блокнот и пару карандашей. Нужно ловить момент, пока Юрга не передумала, ибо в эмоциональном фоне банщицы всё ещё проскакивают цвета неуверенности.

– Для начала, – Туран опустил обратно на лавку, – расскажи мне о Жемчужине. Вокруг неё происходит что-то непонятное. Я всё никак не могу сообразить, что именно. Она и в самом деле обслуживала мастера Бинтана?

– Да, мастер, – Юрга склонила голову. – Городской глава пользовался только её услугами. Но это было давно, ещё

до того, – Юрга замялась, – как Конь взял меня в свою баню. Теперь мне понятно, почему другие банщицы считают её распутной даже для проститутки.

– Почему сегодня Жемчужина не работает? – Туран половчее перехватил карандаш.

И вновь мучительные раздумья, и вновь в душе Юрги схлестнулись надежда и страх. Только на этот раз страх отступил первым.

– Дело в том, мастер, что Жемчужина..., – Юрга нервно сглотнула, – сбежала.

Первое серьёзное признание словно разрядило молодую банщицу, помогло ей расслабиться и хотя бы немного успокоиться. Иначе говоря, Юрга махнула на собственные страхи рукой.

– Как это сбежала? – Туран поднял голову.

– Сегодня с утра Конь принялся уверять нас, будто Жемчужина пропала, будто её унёс тот самый таёжный дьявол. Ну, наверно, вы слышали о «проклятии нишранов»?

– Наслышан, да ещё как, – Туран грустно улыбнулся. – Ладно, продолжай.

– Так вот, – Юрга шмыгнула носом, – Конь уверяет, будто Жемчужину унёс таёжный дьявол, только банщицы ему не верят. Вместе с Жемчужиной пропали все её платья, чулки и прочие наряды. Заодно исчезли деньги, украшения и паспорт. Да и у самого Коня что-то пропало.

– Как же ей удалось обворовать хозяина?

– Это было несложно, мастер, – Юрга печально улыбнулась. – На втором этаже у Жемчужины имеется своя комната, только большую часть ночей она проводила в спальне самого Коня, в его кровати. Вчера вечером хозяин ходил злой как чёрт и едва не кидался с кулаками на клиентов.

Проклятье, грифель карандаша царапнул бумагу, Туран тихо ругнулся про себя. Только, вроде, разобрался с «проклятием нишранов», как вырисовывается ещё одна «жертва». Хотя, может быть, Жемчужина и в самом деле просто сбежала. В любом случае, карандаш вновь побежал по листу, она в чём-то замешана, причём конкретно.

– Согласно показаниям свидетелей, витус Ксижен пользовался услугами Жемчужины. Это так? – Туран глянул на молодую банщицу.

– Да, мастер, – Юрга кивнул.

– А кто ещё пользовался её услугами?

– Кроме витуса Ксижена, Жемчужина обслуживала витуса Ювина, витуса Тучкова, витуса Никвока, витуса Арнина, купца Далина. И..., – Юрга на секунду призадумалась, – да практически всех богатых мужчин Ничеево, которые ещё не потеряли интерес к женщинам. Ведь Жемчужина была звездной нашей бани. Спрос на неё был такой, что Конь записывал клиентов заранее. Обычно Жемчужина не сидела с нами в зале ожидания. Её услуги стоили гораздо дороже.

Интересная картина, карандаш обвёл имена в рамку: до недавних пор в Ничеево существовал эдакий клуб любите-

лей Жемчужины. Юрга перечислила ни много, ни мало а фамилии чиновника Контрольной палаты, местного богача, начальника полиции и зятя городского главы, да и сам мастер Бинтан когда-то пользовался её услугами. Плюс местный купец, не иначе весьма состоятельный, раз Жемчужина была ему по карману. А это много чего значит. Так или иначе её клиенты пересекались не только в бане, но и за её пределами. Да с такими связями из Жемчужины получился бы первоклассный полицейский осведомитель.

– Что произошло вечером 2-го февраля, когда витус Ксижен последний раз посетил ваше заведение? Ведь что-то произошло, правда? – Туран перевернул исписанную страницу.

– Да, мастер, – Юрга тихо вздохнула. – Как я уже говорила, Жемчужина пользовалась большим спросом. В тот вечер с восьми часов и до самой полуночи одна должна была быть с купцом Далиным. Между прочим, это самое дорогое и самое любимое многими клиентами время.

Так вот, купца Далина зовут Инкар, но я не уверена. Но, в восемь часов вечера витус Далин так и не явился. Почему – никто не знает. Зато примерно в девять часов появился витус Ксижен.

– Подожди, – Туран отложил карандаш в сторону.

Это должно быть где-то здесь. Исписанные листы замескали в обратном направлении. Проклятье, Туран недовольно поморщился, когда же у него найдётся время переписать сте-

нографию на нормальный язык? Никогда, если честно. Но, вот оно. Да, точно, совпадает. Согласно показаниям Пачара Руднева, служителя Конторы. Варм Ксижен покинул Управление строительства в начале девятого часа. Значит, никуда более главный инженер не заходил.

– Продолжай, – Туран вновь подхватил карандаш.

– Так вот, – Юрга машинально поправила на груди простыню, – витус Ксижен пришёл в баню около девяти часов вечера. Я как раз в зале ожидания была и всё видела. Жемчужина к нам зашла и с Конём разговаривала. В общем, витус Ксижен её увидел и спросил, почему она свободна? А как узнал, что клиент не явился, так обрадовался сильно. Дескать, он прямо так и сказал, он сегодня вкалывал как раб на галере и ему позарез нужно как следует отдохнуть.

Конь, он ведь жадный больно. За Жемчужину он всегда плату вперёд требует, если по записи, и никогда не возвращает, если клиент по каким-либо причинам не явился вовремя. А тут Коню ещё больше денег захотелось, вот он тут же и отправил Жемчужину с витусом Ксиженным сюда.

– Сюда, это куда? – Туран оторвал взгляд от записей.

– Именно сюда, мастер, – правая ладошка Юрги легонько шлёпнула по широкой скамье. – Это номер Жемчужины, она только здесь работала. Я тут раньше только пол мыла.

Во дела, Туран, будто в первый раз, окинул взглядом номер. Получается, что Конь предоставил ему местный люкс. Впрочем, ладно.

– Продолжай, – Туран вновь склонился над блокнотом.

– Где-то полчаса прошло, как в баню витус Далин завалился. Конь даже пискнуть не успел, как витус Далин промчался через зал ожидания и напрямик в номер к Жемчужине завалился. Девочки потом говорили, что он их в самый интересный момент застукал, ну прям как муж жену под любовником. Конь, конечно же, следом побежал, да только поздно было. Витус Далин такой скандал закатил, что даже у нас в зале ожидания стены задрожали.

Карандаш завис над страницей, Туран покосился на входную дверь. Ну да, запоры в номерах чисто символические. Купцу Далину попасть в номер было не просто легко, а очень легко и быстро. Дёрни чуть сильнее, деревянный вертушок тут же отвалится с тихим писком.

– Что произошло в номере я не знаю, – Юрга пожала плечами. – Конь как вбежал вовнутрь, так сразу захлопнул за собой дверь. Минут через десять витус Далин выскочил из номера как ошпаренный, пробежал через зал ожидания злой как чёрт и выбежал на улицу, только дверь за его спиной оглушительно хлопнула. Ну а Конь из номера раза два выходил и к себе в кабинет бегал. А потом, ближе к полуночи, витус Ксижен прошёл через зал ожидания на своих двоих, я сама видела. При этом вид у него был более чем довольный. Правда, – Юрга нахмурилась, – глаза у витуса какие-то странные были, будто стеклянные. Вот.

Женщина, Туран перелистнул страницу, как банально. В

деле появился ещё один фигурант купец Далин. Подобные ссоры из-за женщины, пусть даже она проститутка, просто так не заканчиваются. В Северном остроге, в самом неблагополучном и криминальной районе Снорка, маститые каторжники режут друг другу глотки из-за дешёвых проституток. А Жемчужина не просто банщица, а звезда заведения.

– Что ты можешь рассказать о купце Далине?

– Мало что могу, – в эмоциональном фоне Юрги промелькнула злость. – Моими услугами он никогда не пользовался. Для него я самая обычная баба, как грязь под ногтями. Он прямо так и выразился, когда в зале ожидания я в первый раз распахнула перед ним свой халатик. Витус Далин предпочитает пользоваться услугами Жемчужины. Ну а когда она занята, то выбирает либо Исару, либо Тику. Они обе дворянки потомственные, куколки фарфоровые.

Даже без пси-способностей можно заметить в словах Юрги затаённую обиду.

– Витусу Далину только дворянок подавай. Да и он сам под дворянина косит, – Юрга сжала кулачки. – Нормальные купцы шубы носят, кафтаны, жилетки. Бороды у них окладистые, рубахи навыпуск с кушаками красными. А витус Далин словно дворянин сюртуки носит, ботинки, перчатки, бреется и постригается как офицер кавалерийский. И да, – Юрга резко выпрямилась, – на правой руке у него кольцо такое огромное, золотое, печатка, кажется. А у самого на теле ножевых шрамов не счесть, девочки рассказывали. И выразиться мо-

жет словно сапожник пьяный.

Великолепно, Туран сдавленно усмехнулся. Теперь есть чем прижать Инкара Далина. Ножевые шрамы – более чем прозрачный намёк на его бандитское прошлое. Не исключено, что стартовый капитал он нажил как раз на большой дороге. По этой же причине, вероятней всего, Инкар Далин изо все сил старается выглядеть как дворянин. Не дай бог кто узнает в нём бывшего бандита.

– Благодарю вас, уважаемая. Можете ещё что рассказать? – Туран глянул на банщицу.

Молодая женщина разом скукожилась, словно увяла. Хреново дело, в её эмоциональном фоне вновь проступил страх.

– Юрга, что бы ты там не рассказала здесь и сейчас, я не собираюсь ссылаться на тебя.

– А это, – глаза молодой банщицы уставились на раскрытый блокнот.

– А это мои личные записи, – Туран приподнял блокнот за край, – для меня лично. Это не официальный протокол, читать в суде его не будут. Так что говори как есть.

Слова Турана успокоили молодую женщину. Без прежнего страха она продолжила:

– Конь, он, это, опиум продаёт.

Карандаш в правой руке пронзительно хрустнул, грифель рассыпался в крошку. Вот это да, Туран оторвал взгляд от записей.

В истории Тиллуры уже бывали эпидемии массовой нар-

комании, когда слишком много людей начинало курить опиум. Каждая такая эпидемия заканчивалась социальным взрывом и колоссальным экономическим ущербом. К слову, именно так к власти пришла ныне здравствующая династия Вейнеров. Неудивительно, что торговля опиумом, да и прочими наркотиками, категорически запрещена. За экстракт мака массой в грамм сто можно легко и просто угодить на каторгу лет на десять. А за один килограмм – сразу на виселицу. Но, как говорится, запретный плод сладок.

Контрабандным путём опиум проникает в Тиллуру. Говорят, опиумный мак выращивают в глухих районах Шупдарских гор. Что-то, говорят, проникает с территории айров. Пусть Пограничная стража из кожи вон лезет, однако перекрыть на границе все без исключения лазейки невозможно в принципе. Зато, по крайней мере, опиум является крайне дорогим развлечением только для богатых. Простые обыватели, мещане и крестьяне, довольствуются гораздо более доступным способом отключить мозги – алкоголь.

– Как вы понимаете, мастер, – несколько более уверенным тоном продолжила Юрга, – опиум в меню не значитя. Конь предлагает выкурить трубочку только старым проверенным клиентам. Витус Ксижен как раз был таким и не отказывался.

– Откуда ты знаешь об этом? – Туран подхватил со столешницы второй карандаш.

– Запах, мастер, его ни с чем не спутать. Конь меня часто посылает номера мыть. Да и трубки, такие длинные с выпук-

лыми штуками, куда опиум кладут, их тоже ни с чем не спутать, да и спрятать сложно. Я пару раз их под лавкой находила. Только, умоляю, не говорите Коню, что это вам я рассказала.

Эмоциональный фон молодой женщины вновь пропитался страхом. Нужно признать, для беспокойства у неё есть все основания. Торговля опиумом – очень серьёзное преступление. Свидетель может легко и просто потеряться в бескрайней тайге Снорской губернии.

– Не буду, Юрга, ни в коем случае не буду, – тут же пообещал Туран. – Как я понял, в тот роковой вечер витус Ксижен курил?

– Да, мастер, – Юрга нервно сжала кулачки, – курил. Потому у витуса глаза стеклянные были, а на лице была написана такая услада. Подобного ни одна водка или коньяк самый дорогой не даст.

Интересно девки пляшут, Туран аккуратно записал последние слова молодой банщицы. Очень интересно, по четыре штуки в ряд. Если получится развести Коня на опиум, и при этом не выдать Юргу, то владелец бани будет на крючке, на очень хорошем и остром крючке. Но это ладно, Туран перелистнул блокнот на пару страниц назад. Получается, что Варм Ксижен отправился домой «на кочерге». Очень интересно. Человек в наркотическом опьянении похвастаться адекватностью не может. Да и завалить его гораздо легче, если на то пошло.

– Ладно, – Туран захлопнул блокнот, – на сегодня хватит.

Напоследок Туран ещё раз зашёл в мойку. Юрга облила его тёплой водой и от души растёрла большим махровым полотенцем.

– Сейчас я буду пытаться Коня, – Туран застегнул на сюртуке последнюю пуговицу. – Не бойся, о тебе не скажу ни слова. Но после он всё равно догадается и обязательно тебя выгонит. Так что не забудь ему подыграть. Да! Вещи свои собери, заранее, особенно деньги и паспорт.

– Как скажете, мастер, – Юрга накинула на плечи свой весьма откровенный банный халатик.

В душе молодой женщины пыльным цветом вновь распустилось сомнение. Она уже пожалела о сказанном и рассказанном. Одно дело обещание, и совсем другое его реальное выполнение. То, что Конь её выгонит, можно не сомневаться. А вот встретит ли её на улице залётный начальник из губернии?

Глава 3. Конь на привязи

Едва с зимним пальто через левую руку Туран появился в зале ожидания, как перед ним тут же возник хозяин заведения.

– Мастер, надеюсь, вы довольны, – на лице Коня застыла улыбка профессионального холуя, зато в эмоциональном фоне разлился страх.

– Признаться, едва-едва, – Туран как мог изобразил на лице гримасу плохо довольного клиента. – Вода была горячей, а ватрушки вкусными. Впрочем, ваша банщица старалась. Сколько с меня?

Правя рука нырнула во внутренний карман за бумажником. В эмоциональном фоне Коня распустилось преогромное облегчение, будто он весь день мучился запором, но только сейчас счастливый и довольный слез с ватерклозета.

– Вот, пожалуйста, – Конь с поклоном протянул маленькое чёрное блюдечко.

Туран подхватил бумажку-счёт, глаза стрельнули по строчкам. Что же, очень даже неплохо, всего 5 виртов, 46 совиртов. Вообще-то это недельное жалованье простого рабочего на лесопилке или квалифицированного столяра на местной верфи. Но для бани, она же публичный дом, это более чем приемлемо. Пять виртов стоят услуги банщицы. Причём она не просто лежала с раздвинутыми ногами, а по-

мыла Турана с ног до головы. В эту же цену вошла сама баня, то есть вода, дрова, керосин в лампах. А 46 совиртов – это за чай, морс, ватрушки и пирожки. Точно такой же заказ в «Господине лососе», в трактире в Торговой слободе, обошёлся бы если и дешевле, то не намного. Не иначе, именно в этом и заключается хитрый расчёт Коня. В его баню ходят и купцы, которые привыкли платить за товар реальную цену. Основной доход владелец бани получает не с чая и булочек, а с услуг проституток.

– Сдачи не нужно, – Туран протянул пару банкнот.

– Благодарю вас, мастер, – Конь лъстиво улыбнулся.

Империя оплачивает мастерам питание и проживание. Но, увы, щедрость государства на бани, они же публичные дома, не распространяется. Пусть всего 46 совиртов за чай с ватрушками, плюс чаевые, Турану пришлось оплатить из своего кармана.

– А теперь, уважаемый, нам придётся поработать, – Туран спрятал бумажник обратно во внутренний карман сюртука. – Где мы можем побеседовать?

Сердце Коня тут же ухнуло в левую пятку. Скользкий владелец бани так надеялся, так наделся, что дорогой гость свалит по-доброму, но не свезло.

– Прошу вас в мой кабинет, – холёная ручка Коня указала вдаль по коридору, – там нам никто не помешает.

Тёмная лестница в конце коридора привела Турана и владельца бани на второй этаж, где находятся жилые комнаты

банщик, кухня, кладовки и кабинет самого Коня. Причём рабочее место владельца совмещено со спальней.

– Прошу вас, мастер, – Конь принялся чиркать спичками и зажигать керосиновые лампы.

Туран неторопливо оглянулся. Даже с первого взгляда видно, что в этом небольшом кабинете Конь проводит не так уж и много времени. Стандартный набор бюрократа сведён к минимуму: небольшой письменный стол, шкаф с бухгалтерскими томиками и пара стульев. В углу, над низкой кушеткой, на широкой деревянной полке посреди шкатулок возвышается весьма и весьма приметная лампа. Внешне она похожа на обычную спиртовку, только заметно больше, а на боках весьма искусно нарисован лесной пейзаж приятного синего цвета.

Туран вовремя стиснул зубы. Только не улыбаться! Только не улыбаться! А то Конь раньше времени заподозрит неладное. Только что решилась очень трудная проблема: как прижать владельца бани и при этом не выдать Юргу. Уж теперь-то Конь никуда не денется.

– Присаживайтесь, мастер, – Конь отодвинул стул во главе письменного стола, а сам опустился на другой для посетителей.

Пока они поднимались на второй этаж, Туран успел обдумать стратегию предстоящего допроса. Конь тип скользкий, к том же, умный. Он постоянно вращается в высших кругах Ничеево, хотя на светские рауты в дом городского главы его

не приглашают. Такого на понт не возьмёшь, надавить авторитетом так же не получится. Единственный более-менее верный способ разговорить Коня – устроить ему самый настоящий официальный допрос под протокол.

Стопка бумаг с лёгким шлепком упала на столешницу. Из кожаной папки Туран извлёк чернильницу, коробочку с мелким песком и стальное перо. От одного только вида походной канцелярии в эмоциональном фоне Коня заметались перепуганные зайцы.

– Утус Кенаев, – Туран демонстративно расправил перед собой бумажный лист, – для экономии времени я сразу же сниму ваши показания под протокол. Так что в ваших же интересах говорить правду, только правду и ничего кроме правды.

Первый удар попал точно в цель. Эмоциональный фон Коня тут же потемнел от страха. Сколький владелец бани прекрасно знает разницу между милой беседой с полицейским чиновником и допросом под протокол.

– Ваше полное имя, пожалуйста, – стальное перо нырнуло в раскрытую чернильницу.

– Гурьян Зоянич Кенаев, – просипел владелец бани. – Хотя знакомые и друзья гораздо чаще называют меня Конем.

– Ваше прозвище отношения к делу не имеет, – Туран усмехнулся.

Спокойно и методично Туран записал официальные данные Коня.

– А вот здесь, пожалуйста, – Туран протянул Коню листок, – распишитесь, что ознакомлены об ответственности за дачу заведомо ложных показаний согласно УК, статья 307.

Такая постановка вопроса Коню жуть как не понравилась. Чего, чего, а исповедоваться он точно не собирается. Однако владелец бани покорно чиркнул собственное имя, причём даже без клякс.

– Для полноты понимания произошедшего мне так же потребуются показания угоры Луниной, – Туран развернул лист с «шапкой» протокола перед собой. – Пожалуйста, позовите её.

По лицу Коня прокатилась нервная судорога. Глаза владельца бани забегали из стороны в сторону. А что творится в его эмоциональном фоне – смотреть страшно, зато без смеха никак нельзя. Мысленно Конь пыхтит и мычит от натуги. Скатываться в откровенную ложь ему просто страшно, как-никак, а перед ним сидит правдовид. Но и правду говорить он как не хочется.

– Угоры Луниной нет, – на лбу Коня мелким бисером выступил пот, – она пропала. Возможно, стала жертвой «проклятия нишранов».

– Почему не заявили в полицию?

– Потому что с момента исчезновения Жемчужины, простите, угоры Луниной, не прошло положенных по закону трёх суток.

Ну, жук, выкрутился. Аккуратным почерком Туран занёс

слова Коня в протокол.

– Пожалуйста, распишитесь, – Туран вновь передвинул Коню протокол.

Во второй раз владелец бани ничуть не более уверенно чиркнул своё имя. Кончик стального пера едва не проткнул тонкую бумагу насквозь. Коню крайне, крайне не нравится подтверждать собственной подписью собственные слова. В душе он чует ловушку, но сделать ничего не может. Туран, в свою очередь, не требует с него ничего сверх положенного по закону.

– Должен сообщить вам, – Туран развернул лист к себе, – что расследование случаев связанных с «проклятием нишранов» как раз является одной из моих целей приезда в Ничеево. По этой причине мне необходимо осмотреть личную комнату угоры Луниной, при необходимости, изъять её личные вещи. Особенно меня интересуют деньги, драгоценности и документы. Прошу вас привести двух понятых, дабы мы могли сразу же оформить протоколы обыска и изъятия.

От злости и бессилия Конь едва ли не в прямом смысле закрипел зубами. Ему жутко хочется схватить со стола эти проклятые бумажки, порвать их, а клочки запихать в глотку залётному начальнику из губернии. Но нельзя. Страх, словно ведро холодной воды, в одно мгновенье остудил эмоциональный порыв владельца бани.

Про себя Туран усмехнулся, выбранная тактика оправдала себя на все сто. Пусть авторитетом на Коня не надавить,

зато не ему тягаться с Тураном в умении вывернуть себе на пользу нормы и правила уголовного производства.

– Не надо, это, не надо понятых и протоколов, – Конь с трудом перевёл дух. – Жемчужина, чтоб её, пропала вместе со всей своей одеждой, деньгами, драгоценностями и паспортом.

– Неужели, уважаемый, «проклятие нишранов» позарилось на материальное? – Туран улыбнулся, сарказм ядовитыми каплями сорвался с языка. – Неужели таёжный дьявол унёс угору Лунину вместе с её нижним бельём, золотыми колечками и паспортом? Зачем, спрашивается, ему в лесу деньги? Или, уважаемый, – Туран склонил голову, – вы что-то недоговариваете?

Конь захрипел как перегруженный конь.

– А причём здесь Жемчужина, уважаемый? – Конь с гордым видом расправил плечи. – Может, нет никакого проклятия. Может, она ещё вернется.

Лучшая защита – нападение. Только древняя военная заповедь Коню не поможет. Нападать имеет смысл тогда и только тогда, когда есть силы. Ну а если сил нет, то нужно либо удирать, либо капитулировать.

– Угора Лунина является важным свидетелем, – холодно пояснил Туран. – Ибо она была среди тех, кто не просто видел витуса Ксижена живым в последний раз, но и общался с ним. То есть, общалась. Ну раз угора Лунина стала жертвой проклятия, то это отягчающее обстоятельство тре-

будет немедленного расследования. Так что, уважаемый, будете говорить правду? Или мы сейчас займёмся поисками Жемчужины по всей строгости закона?

Чего, чего, а искать на ночь глядя сбежавшую проститутку Коню не улыбается. Тем более он точно знает, что в Ничеево её нет.

– Сбежала она и шмотки свои прихватила, – буркнул Конь.

Во-о-от, это гораздо ближе к истине. Сквозь силу, через «не хочу», Конь начал говорить правду.

– Не пропало ли что-нибудь ещё, – Туран на миг оторвал взгляд от протокола, – там, деньги, украшения и прочие ценности, которые ей не принадлежат?

– Нет, – Конь отвёл глаза.

Врёт, зараза. Стальное перо легко пробежалось по белому листу протокола. На этот раз Конь соврал самым натуральным образом. Впрочем, тем лучше.

– Распишитесь, – Туран вновь передвинул протокол ближе к Коню.

На этот раз владелец бани чиркнул собственное имя почти не глядя в протокол. Злость уже настолько переполнила его душу, что едва не забила голос разума топором. Ещё лучше.

– Великолепно, – Туран демонстративно потрянул лист протокола. – Когда мы найдём угору Лунину и вдруг выяснится, что она что-то у вас украла, то у вас, уважаемый, будут неприятности. Но вы не волнуйтесь, – Туран опустил прото-

кол обратно на стол, – в Снорке судья правдовид, он сразу поймёт, кто из вас говорит правду, а кто врёт.

Это надо видеть, Туран едва успел прижать ладони к столу. Внешне Конь остался спокойным, зато в его душе тихо вскипела лютая ненависть к залётному начальнику из губернии. Сильные эмоции настолько истерзали ему душу, что почти перегорели, ибо невозможно вот уже десять минут становиться всё злее и злее.

– Даже не пытайтесь, уважаемый, – как ни в чём не бывало произнёс Туран. – Я – мастер. Вы же знаете обычай: если убивают мастера, то на виселице должен оказаться как минимум один виновный. Два – хорошо, три – ещё лучше. Сами понимаете, кто в Ничеево станет подозреваемым номер один, если я так и не выйду из вашего чудесного заведения.

Владелец бани отвернул лицо. Замечание попало точно в цель. Пусть Коню до дрожи в коленях хочется треснуть залётного начальника из губернии тяжёлым стулом по голове, только он не сделает этого. Туран прекрасно знает подобных скользких типов. Часто они падают в обморок при виде пореза от бумаги на указательном пальце. Нет, стул, а тем более нож, топор или револьвер, не их метод. Деньги – вот их главное оружие.

– Не надейтесь на витуса Никвока, – Туран откинулся на спинку стула. – Я и так уверен, что начальник полиции ваш постоянный клиент и что в вашем заведении он получает хорошие скидки на обслуживание и помывку. Я, если вы забы-

ли, из губернии, уважаемый. Как у мастера, у меня имеется прямой доступ к «телу» витуса Шандар, нашего любимого губернатора. К тому же, я уверен, вы слышали о его жгучем желании назвать меня зятем.

Ну нельзя же так, Туран отвернулся. Смех рвёт горло. Вот уж и сам не думал, что связь с дочерью губернатора, точнее, настойчивое желание Исслары Шандар женить его на себе, вдруг пригодится на работе.

– Власти Ничеево уже показали собственную некомпетентность, – Туран незаметно смахнул со щеки слезинку, – так что он меня зависит, что их ждёт в дальнейшем. По результатам расследования всё может остаться так, как оно есть сейчас. А может и нет. Так витуса Никвока могут тихо отстранить от должности по причине плохого здоровья и отправить в отставку. А могут прислать из Снорка целую комиссию для расследования местных случаев злоупотребления властью. А теперь догадайтесь сами, кто именно возглавит эту комиссию.

Вы убили витуса Ксижена? – прямо в лоб, словно камень, бросил Туран.

– Не я, мастер, – от неожиданности Конь дрогнул всем телом.

– Верю, что не вы. Так помогите мне найти настоящего убийцу, – Туран опёрся кулаками на стол, слегка приподнялся, словно навалился на владельца бани всей строгостью закона. – Это в ваших же интересах. Чем скорее я найду убий-

цу, тем скорее свалю обратно в свой Снорк и тем скорее вы вновь будете наслаждаться прелестями своих банщиц.

Худо-бедно Турану удалось нащупать нужную стратегию. В первую очередь Конь делец, пусть и не совсем чистый с этической точки зрения. Баня «Лёгкий пар»надёжней самого тяжёлого чугунного якоря держит его в Ничеево. Так что у него нет никаких резонов всё бросить и податься в бега. Тем более Варма Ксижена он не убивал. С деловыми людьми проще всего договориться, когда они увидят собственную выгоду, и далеко не всегда это обязательно должны быть деньги.

– И так, – Туран демонстративно поднял стальное перо, – что произошло с Жемчужиной?

– Она сбежала, тварь такая, – Конь недовольно насупился словно кредитор при виде безнадёжного должника. – Прихватила все свои шмотки, спёрла у меня из шкатулки сотню виртов и сбежала.

– Как именно она сбежала? – Туран быстро записал слова владельца бани.

– Понятия не имею, – Конь недовольно фыркнул. – Скорей всего, наняла кучера и уехала.

– Куда?

– Куда, куда... А куда ещё сбегают все идиоты из Ничеево? В Снорк, конечно же, в губернию.

– Ну да, – Туран машинально кивнул.

Владелец бани и в самом деле понятия не имеет, куда удрала Жемчужина. Но то, что её путь лежал в Снорк, можно

не сомневаться. С сотней виртов она легко может добраться хоть до Навиры, столицы Империи.

– А теперь расскажите, что произошло 2-го февраля этого года, когда витус Ксижен явился к вам незадолго до начала девятого часа вечера.

Конь насупился, словно обиделся. Улыбка профессионального подхалима давно увяла на его лице. Перед Туран предстал делец, которому грозят крупные непредвиденные расходы и он упорно пытается минимизировать потери. Наверняка, Конь уже понял, что залётный начальник из губернии знает гораздо больше, чем следовало бы знать из отчёта утуса Снева, околоточного надзирателя, который с самого начала вёл дело об убийстве Варма Ксижена.

– Ну да, витус Ксижен и в самом деле посетил мою баню в тот вечер незадолго до начала девятого часа, – неохотно, словно под пыткой, заговорил Конь. – Я лично встретил его в зале ожидания. Витус Ксижен изъявил желание пообщаться с Жемчужиной и помыться. Ну а так как Жемчужина в тот вечер была свободна, то я отправил их в номер четыре.

Туран невольно улыбнулся. Чего, чего, а заниматься любовью на месте преступления ему ещё не доводилось. Неужели Варм Ксижен получил смертельный удар ножом именно на той же самой лавке, где сам Туран не так давно тискал Юргу, молодую банщицу?

– Полчаса прошло, ну или около того, как в баню ввалился витус Далин. Это купец здешний, самый крутой и богатый,

между прочим. Ну и поднял хай. Дескать, он за Жемчужину уже заплатил, а она уже занята.

У меня, мастер, – Конь глянул прямо в глаза, – правило такое: раз опоздал, значит деньги не верну. Вот!

Короткая вспышка гордости благополучно прошла, Конь вновь превратился в дельца, который с болью в сердце выворачивает собственный кошелёк наизнанку.

– Только витус Далин меня слушать не стал. Промчался через зал ожидания и сразу в четвёртый номер рванул. А там... Ну, вы видели, наверное, дверь на вертушок, простенький, запирается. Бывает, когда банщице нужно быстро из номера выскочить.

В общем, витус Далин дёрнул дверь на себя, она и распахнулась, настезь. Как на грех, в предбаннике, на скамье широкой, витус Ксижен как раз на Жемчужине..., – Конь выразительно рубанул ладонью. – В общем, в самый неподходящий момент застал их.

Витус Далин и раньше спокойным нравом не отличался. А тут у него окончательно крышу сорвало. Если бы я вовремя не подоспел, он бы на витуса Ксижена с кулаками бросился бы. Вот! А так мне удалось витуса Далина очень вовремя успокоить, в общем.

Признаться, объяснение на повышенных тонах вышло. Зато потом витус Далин добровольно покинул моё заведение. Взамен я обязался не подавать прошение в полицию. А то, сами понимаете, это хулиганство форменное было. За та-

кие дела можно и на пятнадцать суток в обезьяннике отсидеть. Ну а незадолго до наступления полуночи витус Ксижен благополучно покинул моё заведение. Я лично довёл его до дверей и пожелал спокойной ночи. Вот и всё, мастер.

– Великолепно, уважаемый, великолепно, – стальное перо брякнулось на стол, Туран, словно в театре на представлении, захлопал в ладоши. – Вы и правду сказали, и, одновременно, умолчали о самых грязных подробностях. Только, уважаемый, промашка вышла: труп витуса Ксижена до сих пор хранится в Управлении полиции, и будет храниться там вплоть до полного окончания расследования.

– И что, уважаемый? – нервы в душе Коня натянулись до предела в преддверии очередной ловушки.

– А то, уважаемый, что у меня в сейфе лежит протокол осмотра и вскрытия тела главного инженера. А там, чёрным по белому, зафиксированы все повреждения кожного покрова витуса Ксижена. Так будете правду говорить, или вас опять ловить на заведомо ложных показаниях? Так это мы быстро, – Туран положил перед собой чистый лист. – Сейчас запишу вас рассказ, а вы его подпишете.

Конь неловко заёрзал на стуле, будто на гладком и полированном сиденье в самый неподходящий момент проросли очень острые кнопки. Владелец бани понятия не имеет, что там ещё знает залётный начальник из губернии, от того и елозит нервно.

– Говорите правду, уважаемый, всю правду, какой бы она

не была, – подсказал Туран. – Тогда не ошибётесь и не попадёте впросак.

– Ладно, ваша взяла, – Конь шумно фыркнул, словно он и самом деле рабочий конь. – До кулачной драки и в самом деле не дошло. Витус Далин, когда в номер заскочил и Жемчужину на лавке в положении горизонтальном узрел, так сразу со стола нож схватил и ткнул им витуса Ксижена прямо в грудь.

– Что за нож? – Туран тут же склонился над протоколом.

– Ну, это, – Конь неопределённо махнул рукой, – столовый такой, для масла. Им ещё колбасу или котлету порезать можно.

Вот оно что, Туран поднял голову, стальное перо в правой руке зависло над бумагой. Неужели это был тот самый нож, что Туран видел на столе в четвёртом номере? Лезвие у него как раз тонкое и узкое. Подобными ножами только богачи пользуются. Фельдшер Дартин, что осматривал труп Варма Ксижена, в ресторане отродясь не бывал, потому и не понял, каким это ножом зарезали главного инженера.

– Но, уверяю вас, – Конь по-своему расценил сосредоточенное молчание Турана, – рана была несущественной. Витус Далин сам убоился содеянного и сразу остыл. Почему, собственно, он и согласился покинуть моё заведение без лишнего ора и шума. Я витусу Ксижену к врачу обратиться предложил. Только он сам от помощи отмахнулся и заявил, что ничего страшного. Жемчужина, это, рану ему вод-

кой промыла и нитками заштопала, как носок дырявый.

Туран медленно, через нос, втянул воздух. Эмоции распирают грудную клетку. От волнения стальное перо в руке чуть подрагивает. Буквы протокола едва не лезут друг на друга. Неужели... Неужели, Туран на миг закрыл глаза, дело об убийстве Варма Ксижена можно считать раскрытым? Найден... Найдет тот, кто нанёс роковой удар в грудь главного инженера. Впрочем, Туран резко выдохнул, всё не так просто. Дело нужно довести до логического конца, чтобы его можно было бы передать в суд. А пока ещё один пазл, пусть и самый важный, лёг на своё место, но не более того. В картине преступления ещё полно белых пятен и горсть разрозненных фактов-пазлов рядом на столе.

– Как я уже говорил, – Конь продолжает вещать о своём, – витус Ксижен на своих двоих покинул мою баню и при этом был в прекрасном расположении духа.

– Какое обезболивающее вы использовали? – Туран хитро улыбнулся.

– Простите? – брови Коня выгнулись от удивления, он и в самом деле не понял, в чём подвох.

– Ну как же, уважаемый, – Туран положил стальное перо на чернильницу, – Жемчужина может быть и весьма ловкая банщица, только ни фельдшером, ни тем более дипломированным хирургом она не является. Однако шов она наложила ровный. Такое возможно только в том случае, если витус Ксижен сидел ровно и не дёргался от боли. Но, по вашим

же словам, – указательный палец ткнулся в строчку в протоколе, – главный инженер покинул ваше заведение на своих двоих. То есть, он не был в доску пьян.

Перебор, Конь тут же насупился и заткнулся. Любая откровенность имеет свои пределы. Любой преступник готов каяться в содеянном, но только до тех пор, пока ему не грозит ещё более суровое наказание за ещё более тяжкое преступление. Как бы не хотелось, но Коню придётся помочь. Туран поднялся из-за стола.

– Как я успел заметить, у вас тут стоит очень интересная штука, – с широкой деревянной полки над низкой кушеткой Туран стащил приметную лампу. – Есть где прилечь и вытянуться в полный рост. Как мне рассказывали, в полумраке этой лампочки так приятно расслабиться, когда тени на стенах и потолке как будто оживают. Только для полного комплекта не хватает ещё одной штуки. Ба! – Туран вытянул шею. – Да вот же она.

Ближе к стене сдвинут широкий, но узкий ящичек. Туран щелчком отцепил защёлку. Деревянная крышка выразительно стукнулась о стену.

– Ну вот, полный комплект, – правой рукой Туран вытащил из ящичка трубку для курения опиума, к боку длинного тёмного стержня приделан весьма характерный выпуклый выпариватель.

Дело в швах, как любил повторять утус Бизин. На стол перед Конём Туран положил длинную трубку для курения

опиума и лампу для выпаривания. Крыть нечем, владелец бани скукожился, усох и пожелал самому себе сдохнуть прямо здесь, на это самом стуле.

– Вот оно то самое обезболивающее средство, уважаемый, – Туран опустил обратно за письменный стол. – Одна-две затяжки, и боли нет. Ещё пара затяжек, и клиента можно смело резать на куски, а он ничего не почувствует. Не говоря уже о том, что это так противозаконно. Но! – Туран выждал эффектную паузу. – Я не буду вносить эти подробности в протокол и даже готов забыть о существовании этих интересных предметов, – левая рука сдвинула трубку и лампу для выпаривания на край стола, – если вы, уважаемый, расскажите мне всё. Всё, без утайки. Мне это нужно для целостности картины.

Загонять допрашиваемого в угол так же опасно, как и крысу. Гораздо эффективней дать человеку надежду, а то Конь и в самом деле может вскочить на ноги и вооружиться стулом.

– Ваша взяла, – Конь стыдливо отвёл глаза. – Да, чтобы окончательно замять скандал, в качестве моральной компенсации, так сказать, я предложил витусу Ксижену выкурить трубочку первоклассного опиума. После пары затяжек он и в самом деле расслабился, и Жемчужина без проблем заштопала ему дырку в груди. Только я не рассчитал дозу, опиум свалил витуса Ксижена. Жемчужине пришлось вылить на него пару ведер холодной воды, чтобы клиент очухался и

пришёл в себя.

Вот оно как было, оказывается. Из внутреннего кармана сюртука Туран извлёк блокнот и карандаш. Нужно записать эту информацию, пока память свежая. Конь было дёрнулся при виде чистых страниц, но быстро успокоился. Понимает, тварь, разницу между официальным протоколом и записями непонятными закорючками в неофициальный блокнот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.